СОЦИАЛЬНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

Пролетарии всех ст[redacted]

В. П. ВОЛГИН

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИСТ XVIII В.

(Жан Мелье и его „Завещание“)

Отдел Печати Московского Совета Р и К Д
Москва

Революционный коммунист XVIII в.

(Жан Мелье и его „Завещание").

В ряду французских коммунистов XVIII в Жан Мелье представляет фигуру в высшей степени своеобразную. В то время, как для Мабли или для Морелли социализм— светлая мечта, осуществление которой возможно лишь в неопределенном будущем, а то и вовсе невозможно, для Мелье социализм - вопрос современности, борьба за социализм—задача непосредственной деятельности. Говоря коротко, он единственный социалист-революционер дореволюционной Франции. Сознание необходимости революционной пропаганды объединения угнетенных, борьбы с высшими классами—эти идеи сближают его гораздо больше, чем кого-либо из его современников, с социалистами XIX в.

Не менее интересен Мелье и в другом отношении—со стороны своих философских идей. Скромный сельский священник, он в то же время самый решительный и последовательный атеист, для которого всякая религия - лишь лицемерная сказка, придуманная высшими, чтобы держать в узде низших, он—один из самых ранних проповедников материализма во Франции XVIII в. [1]).

---

[1]) „Завещание" Мелье написано в конце 20 х или начале 30 х гг., а „Естественная история души" де-ла-Меттри лишь в 1745 г

Точных сведений о жизни Мелье имеется чрезвычайно мало. В своей „Истории литературы XVIII в.“ Геттнер выражает даже сомнение в самом его существовании и называет „Завещание“ мнимым [1]). В настоящее время благодаря труду Р. Шарля, издавшего „Завещание“ в 1864 г. впервые в полном виде, мы уже не можем относиться к Мелье так скептически. И все же мы почти ничего о нем не знаем. Невозможно даже приблизительно сказать, в какой обстановке прошло его детство. По одним сведениям, его отец был рабочий, по другим — владелец шерстяной мануфактуры. Конечно, в XVII в. эти два понятия рабочий и фабрикант — значили совсем не то, что мы можем рисовать себе по аналогии с XIX в. Наиболее правдоподобным будет, пожалуй, если мы, переводя эти термины на современный язык, назовем отца Мелье кустарем. Но это предположение дает еще очень мало оснований для суждения о степени состоятельности семьи Мелье, так как занятие кустарными промыслами само по себе было доступно в той или иной форме всем элементам деревенского населения.

Родился Мелье в деревне Мазерни в Шампани, в 1664 или в 1678 г. Его раннее детство прошло в той же деревне; здесь же он получил первоначальное образование у местного священника, который затем поместил его в семинарию. Семинария, несомненно, дала Мелье очень много: конечно, не семинария сделала из Мелье коммуниста и материалиста, но тот философский и литературный материал, с которым он все время оперирует, в громадном большинстве случаев — бесспорно семинарский. Мы будем еще иметь случай в этом не раз убедиться.

По окончании семинарии Мелье получил приход Этрепиньи и Баиз в Шампани, где и прожил почти безвыездно до самой своей смерти. [illegible] он очень уединенно

[1]) Геттнер, [illegible] всеобщей литературы XVIII века [illegible] 1866 г. т. II [illegible]

посещал только двух соседних священников, свой досуг посвящал чтению и перечитыванию немногих любимых авторов. Доход тратил на милостыню и был любим прихожанами, с кот рыми никогда не делился своими сомнениями, был очень старателен в исполнении священнических обязанностей.

Библиотека Мелье не отличалась большим богатством. Библия, Монтэнь, отцы церкви и Фенелон,—таково, по данным Р. Шарля, было ее содержание. Но, судя по цитатам „Завещания", эрудиция Мелье была довольно обширна. Наиболее изученная и наиболее часто цитируемая им книга, это—Библия. Отнош ние к ней у Мелье двойственное. В общем, это—книга, по его мнению, наполненная глупыми и смешными, а подчас—и вредными сказками. Но находя в ней мысли, сходные со своими, Мелье охотно пользуется цитатами из Библии для подкрепления своих доводов. Экклезиаст дал ему в этом отношении много ценного, притом в чрезвычайно яркой и выразительной форме [1]. Знакома ему также литература отцов и учителей церкви, но ими он ни интересуется, и пользуется гораздо меньше.

Первое место после Библии занимают в цитатах Мелье латинские и греческие классики, при чем больше первые, чем вторые. Лукреций — один из наиболее чтимых им авторов [2]. С интересом и сочувствием цитирует он описание золотого века у Овидия [3]. Знакомы ему также Виргилий, Лукиан, Ливий, Тацит и др. Всем этим он, конечно, обязан семинарской науке. Из той же семинарии вынес Мелье знакомство с французскими проповедниками XVI и XVII вв., вообще с французской богословской и философской литературой. Опровержению философии Декарта и Мальбранша он посвящает целые главы „Заве

---

[1] Testament, I, 3
[2] Testament, III 30.
[3] Testament II 252

щания“ [1]. Из французских светских писателей чаще всех цитируется Монтэнь; это для Мелье почти непререкаемый авторитет. Но под руками у него были во время составления „Завещания“ и более близкие по времени авторы, напр., Лабрюйер [2]. Из политических писателей он знает де Комина [3] и очень многие современные ему книги: Esprit de Mazarin, Espion turc, Salut de l'Europe en 1694, Телемака и т. д. Очевидно, он внимательно следил за текущей литературой, несмотря на неблагоприятные условия деревенской жизни. Странно, что Мелье ни разу не упоминает имени своего прямого предшественника (в философском отношении) материалиста Гассенди. Это тем более странно, что в французской школе XVII в. Гассенди имел многочисленных последователей [4] и не мог остаться совершенно неизвестным Мелье. В связи с этим любопытно отметить две черты, резко отделяющие Мелье от позднейших французских просветителей: незначительность естественно-научных познаний и незнакомство с английской философской литературой.

От библиотеки Мелье нам необходимо теперь обратиться к той обстановке, в которой он прожил всю свою сознательную жизнь. Она заслуживает самого пристального внимания со стороны всякого, кто хочет понять такое своеобразное произведение, как „Завещание“.

Французская деревня конца XVII и начала XVIII века изучена еще очень мало: гораздо меньше, чем деревня предреволюционного периода. Для того, чтобы познакомиться с ней, приходится обращаться непосредственно к показаниям современников.

Прекрасную общую характеристику положения крестьянства в конце царствования Людовика XVI дает Лабрюйер. „В[illegible] в [illegible] поля, — говорит Ла

[1] III, гл. LXXX и [illegible]
[2] Т., I, 71.
[3] Т., II, 275
[4] Ланге. Истор[illegible]

брюйер—мы видим, что они усеяны множеством каких то животных,—самцов и самок, с смуглым, синевато багровым цветом кожи, перепачканных землею и совершенно сожженных солнцем; все они точно прикреплены к земле, которую роют и переворачивают с непобедимым упорством. Они обладают чем то в роде членораздельной речи, и когда кто-либо из них подымается на ноги, то у него оказывается человеческое лицо; и действительно, это—люди. На ночь они прячутся в свои логовища, где они живут, питаясь черным хлебом, водой и кореньями" [1]). Конечно, этой очень яркой и художественной характеристики крестьянской нищеты недостаточно, чтобы нарисовать конкретную картину экономической жизни деревни. Но она может быть легко восполнена, если мы обратимся к другим источникам: к докладным запискам различного рода чиновников, специально командировавшихся в провинции для изучения их экономического положения, а также к заявлениям хорошо знакомых с экономической жизнью страны государственных деятелей. Таких записок дошло до нас немало [2]).

Общий хозяйственный кризис, общее обеднение деревни — одинаково решительно подчеркиваются всеми наблюдателями. Один из признаков благосостояния — рост населения; во всех исследованных местностях Франции в конце XVII в. наблюдается обратное явление: население уменьшается, значительная часть его обращается в нищих и погибает от болезней и голода. Всюду печальные картины—дома разрушены и не восстановляются, масса земли заброшена и не обрабатывается. Крестьян-собственников больше не существует: крестьяне не имеют ни одного клочка собственной земли: за последние полвека она вся распродана. Зажиточные арендаторы исчезли, их заменили половники Прежде

[1]) Labruyère, II, 97.

[2]) Они собраны, между прочим в издании „Mémoires des intendants" p. Boislisle

фермеры имели все что необходимо для эксплоатации фермы: скот, как для работы, так и для навоза, известное число рабочих и некоторый свободный капитал, который позволял им хранить хлеб и продавать его в то время, когда это выгодно. Этот тип фермера капиталиста вытеснен бедняками-половниками, у которых нет ничего для ведения хозяйства. Хозяева должны давать им ссуду на пропитание, снабжать их скотом, платить за них налоги, и на покрытие всех этих долгов часто даже не хватает их доли урожая. Эти полунищие не могут хорошо обрабатывать землю; малейшее стихийное бедствие: болезнь, град, падеж скота или еще какая-нибудь случайность,—окончательно выбивает их из колеи и заставляет прибегать к милостыне. Очевидно, это—настоящий сельский пролетариат, но только, так сказать, в скрытом состоянии.

Параллельные изменения происходят и в быту крестьян. Потребление падает: в иных местностях крестьяне питаются исключительно черным хлебом, а иногда и того не имеют — варят корни папоротника и едят его с ячменной и овсяной мукой. Мясо они видят не чаще трех раз в году, а иногда и того не удается. Скот страшно падает в цене, так как крестьяне выводят его на рынок в излишнем количестве. Но тому, кто желает наглядно убедиться в нищете крестьянина, следует заглянуть в его жилище. Он увидит, что единственная одежда крестьянина—на нем, да и та никуда не годится, мебели никакой, запасов—никаких, все свидетельствует о крайней нужде. Последствия этой нужды — физическое и нравственное вырождение населения, болезненность и повышенная смертность с одной стороны, попрошайничество и отчаяние—с другой.

Итак, мы получаем такую схему: обезземеление крестьян-собственников; исчезновение класса зажиточных арендаторов; крайне низкий жизненный уровень массы сельского населения — половников, стоящих вечно на

пороге нищеты, наконец, сокращение площади обрабатываемой земли. Таким образом, мы имеем перед собой картину общего экономического упадка деревни. Очевидно, к середине XVII в. в ней произошла уже некоторая дифференциация: из массы крестьянства выделились фермеры-капиталисты и наемные рабочие. Но суть хозяйственного кризиса деревни отнюдь не в ней, не в этой дифференциации. Наоборот, в связи с кризисом происходит известная нивеллировка деревенского населения в сторону половничества. Зажиточных людей не видно: все уравниваются в общей нищете и цепляются за землю, лишь как за единственное спасение от необходимости итти по миру.

В чем же причина этого странного на первый взгляд явления?— Несомненно, в том, что у французского крестьянина XVII в., сравнительно в малой степени страдавшего от эксплоататора капиталиста, было два эксплоататора, гораздо более страшных: государство и дворянство. Если мы припомним, какие чрезвычайные расходы,— вернее сказать, какое чрезвычайное расточение народных сил и средств,—производилось правительством Людовика XIV во вторую половину этого блестящего царствования во имя интересов дворянства и подымающей голову буржуазии, если мы примем во внимание, что всей своей тяжестью эти расходы ложились на плечи крестьянской массы, то нам станет понятно, что государственная эксплоатация именно в изучаемый нами период должна была достигнуть наивысшего напряжения. Давление государственного пресса сильно давало себя чувствовать и раньше, задерживая нормальное хозяйственное развитие деревни. В конце XVII в. оно достигло таких размеров, что положение всех слоев деревенского населения стало невыносимым. Для капитала и [illegible] эксплоатации не могло быть места там, где все соки выжимались эксплоатацией государственной; люди, обладавшие капиталом и [illegible] к обработке земли [illegible]

рялись, или бежали из деревни, предпочитая искать для своих средств другое помещение, которое приносило бы более верный доход. Но это бегство капиталов из деревни отнюдь не облегчало положения рядовой массы крестьянства и сельского пролетариата. Разоренное поборами крестьянство продавало свою землю за бесценок, превращалось в половников или пополняло кадры сельского пролетариата. Сельский пролетариат, в свою очередь, вместе с исчезновением из деревни капиталистов-предпринимателей, терял лишь возможность заработка, но не приобретал ни собственной земли, ни орудий производства. Его положение становилось безвыходным. Только ничтожная часть пролетаризованного крестьянства могла найти заработок в промышленности, так как и спрос на рабочие руки был еще при слабом развитии капитализма очень низок, и закон об обязательном ученичестве преграждал дорогу во многие отрасли производства. Немудрено, что, теряя последнюю связь с землей, крестьянин тем самым почти наверняка превращался в нищего и бродягу.

Мы говорили пока лишь об эксплоатации государственной. Но не надо забывать, что наряду с нею и в том же направлении действовала эксплоатация феодальная. Несмотря на то, что крепостное право исчезло уже почти во всей Франции, остатки феодализма в виде разного рода [illegible] еще сильно давали себя чувствовать. Для нас [illegible] конца XVII в. неизбежно представляется [illegible] крупного значения по сравнению с гнетом государственным. Бремя, наложенное на крестьян государством, прогрессивно возрастая, достигло, казалось, своего кульминационного пункта. Феодальные права, наоборот, [illegible] были, а феодальные вычеты из крестьянского дохода становились все меньше. Так [illegible] дело для объективных наблюдателей со стороны. Но вряд ли таковы были чувства крестьян. Скорее наоборот: чем хуже, вс

обще, жилось крестьянину, тем большее значение приобретал для него каждый час его труда, каждая вырученная или сбереженная им копейка. И отдавать этот час, эту копейку сеньёру—это должно было совсем выводить из себя и без того озлобленного, изголодавшего я крестьянина.

В Шампани остатки феодализма держались особенно упорно и, вероятно, чувствовались особенно болезненно. До самой революции в Шампани сохранился servage, сохранился целый ряд редких в остальной Франции феодальных повинностей. А между тем и нищета крестьян достигла там едва ли не крайней для всей Франции степени. Поражающую бедность Шампани отмечают даже накануне революции, когда, в общем, положение крестьянства значительно улучшилось.

Познакомившись в самых общих чертах со средой, в которой жил Мелье, мы можем теперь вернуться к его биографии. Бедной событиями жизни сельского священника суждено было закончиться очень ярким драматическим эпизодом, чрезвычайно характерным для его отношения к этой среде.

Сеньёр той деревни, в которой жил Мелье,—де-Клери обидел чем-то своих крестьян. Мелье не пожелал произнести обычной молитвы за сеньёра. Тогда де Клери пожаловался архиепископу Реймскому, кардинал сделал Мелье надлежащее внушение. На следующее воскресенье Мелье взошел на кафедру и сказал: „Вот обычная судьба бедных деревенских священников: архиепископы их презирают и даже не выслушивают; они сами — сеньёры и их уши открыты только для знати. Итак, помолимся за нашего сеньёра. Будем просить Бога об его обращении, чтобы он впредь не обижал бедных и не грабил сирот“. Сеньёр, присутствовавший при этой своеобразной молитве, принес новую жалобу. На этот раз архиепископ, вызвав Мелье, обошелся с ним очень грубо. С этого момента [illegible] открыто

ческие. Целый ряд оскорблений в соединения с сознанием собственного бессилия, полнейшей невозможности с этим унижением бороться, сделали жизнь интеллигентного самолюбивого священника совершенно невозможной. Смерть стала казаться ему единственным достойным выходом из создавшегося положения, и в 1729 г. он уморил себя голодом.

Во всем этом эпизоде для личности Мелье характерна та твердость и решительность, с которой он выступил против сеньора, его неспособность идти на уступки, приспособляться к обстоятельствам, — неспособность, стоившая ему жизни. Что же касается того факта, что священник оказался на стороне крестьян против сеньора, то в нем нет ничего особенно неожиданного и странного. Сельское духовенство по самому своему положению стояло ближе к крестьянской массе, чем к привилегированным. Доля его в громадных доходах первого сословия была слишком ничтожна, чтобы оно могло чувствовать себя солидарным с духовной знатью, жившей по княжески. А ничтожное содержание, скудная жизнь, презрительное отношение светских и духовных магнатов, постоянное общение с народом создавали почву для духовного сближения с угнетенной массой, для искреннего и глубокого проникновения ее интересами.

Просто уйти из жизни, признав себя побежденным, Мелье не мог. Чтобы спокойно умереть, ему нужно было сознание, что и после смерти он будет продолжать борьбу со своим врагом. Конечно, не с сеньором де Клери, а со всем тем строем общественных отношений, характерные особенности которого так болезненно дали ему себя почувствовать в последние дни его жизни. Теперь, уходя из жизни, он чувствовал себя в силах сделать то, на что не мог решиться раньше: открыто сказать все, что он думает о человеческих отношениях, о религии, государстве и общественном строе. У него давно уже все обдумано ... и ... ... живая и

ность и простота выражения мысли, не знающей колебаний и сомнений И в т, всегело проникнутый мыслью о близкой смерти, он пишет свое „Завещание".

Написано „Завещание", несомненно, в дни, когда Мелье уже знал, что его конец близок. «Мои дорогие друзья,—пишет он,—я не мог сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти Мне хотелось бы перед смертью поговорить с вами, но я не знаю будет ли у меня в мои последние минуты время и присутствие духа и потому я предпочел изложить то что я хочу сказать в письменной форме» [1] Так, с мыслью о близкой смерти начинается „Завещание". Этой же мыслью оно и заканчивается, только выражена она на этот раз гораздо более решительно. В начале Мелье как будто еще чувствовал некоторую связь с жизнью—обязанность исполнить последний долг—сказать всю правду. Теперь долг исполнен, в жизни делать больше нечего А после смерти нет ничего.

„Я не сделал в своей жизни ничего преступного. Но на меня, несомненно, будут клеветать после моей смерти, будут оскорблять меня, и только за то что я осмелился сказать правду Пусть думают что хотят, судят как хотят, говорят и делают все, что хотят, это меня не беспокоит ничуть .. Я почти не принимаю уже участия в том, что делается в мире мертвецы—а я теперь с ними – не беспокоятся и не заботятся ни о чем [2]"

Вряд ли можно заподозрить искренность этих трогательных слов.

Закончив книгу, Мелье переписал ее в трех экземплярах и принял меры к тому, чтобы она не пропала.

Действительно, „Завещание" не пропало В скором времени в Париже было уже более сотни экземпляров Н

---

[1] Testament, т. I, ...

[2] Testament ...

дальнейшая его судьба была очень печальна. „Завещание“, как и вообще революционный коммунизм, оказались не ко двору во Франции XVIII века. В 1735 г. Thiériot сообщил о нем Вольтеру, который сначала не обратил на это сообщение никакого внимания. Только 27 лет спустя Вольтер напечатал выдержки из первой части „Завещания“, выбросив все, что находил слишком резким. Мелье—социалист и атеист—не попал в издание Вольтера. Кроме Вольтера, отрывки из „Завещания“ были изданы Гольбахом и Сильвен-Марешалем. Все эти издания, вероятно, вытеснили с рынка ценные рукописные копии „Завещания“. Лишь в середине XIX в. Р. Шарлю удалось найти случайно один экземпляр у голландского антиквария. Благодаря этой находке, в 1864 г. „Завещание“ было впервые напечатано полностью.

II

План „Завещания“ очень своеобразен и невполне выдержан. На всей книге лежит отпечаток, хотя и продуманной, но спешной работы. Многочисленные повторения, совершенно излишние, производят досадное впечатление. Иногда повторяется не только раз высказанная мысль, но прямо целый отрывок, целая цепь мыслей, и притом буквально теми же словами. Несмотря на этот недостаток, основную нить изложения нетрудно уловить. Центральная идея „Завещания“— ложность религии вообще, христианства—в частности. Этого тезиса автор не теряет из вида на всем протяжении своего сочинения, представляющего собою как бы полный свод всех возможных доказательств его справедливости: исторических, моральных, метафизических.

Чтобы понять, почему религия заняла у Мелье такое центральное положение, необходимо познакомиться с тем, какую роль приписывает он ей в истории человечества

ческих обществ,—точнее говоря, в истории царящей в них вечно несправедливости. В социально политических идеях „Завещания"—ключ к его пониманию. С них мы и начнем наше изложение.

Критерий с которым Мелье подходит к анализу общественного строя,— чисто моральный. Величайшие блага для людей: мир, доброжелательное отношение друг к другу справедливость. Это — источники человеческого счастья. Самое ужасное в жизни—раздоры, злоба ложь, несправедливость, лицемерие и тирания. Они развращают в людях все лучшее и являются источником всех пороков и бедствий, среди которых люди проводят свою жизнь. Весь жизненный опыт свидетельствует, что в мире царят ложь и несправедливость. Те, кто как-будто поставлен для осуществления справедливости —они то как раз наиболее преступны, ибо на место справедливости поставили беззаконие Слезы обиженных и страдания народа, угнетаемого богатыми и сильными, внушают такое отвращенье и презрение к жизни, что можно воскликнуть вместе с Соломоном: laudavi magis mortuos quam viventes et feliciorem utroque judicavi, qui necdum natus est nec vidit mala, quae sub sole fiunt [1]).

Исходя из этих общих положений Мелье в целом ряде глав (43—59) подробно разбирает важнейшие несправедливости общественной жизни.

Первое зло—непропорциональное распределение благ между сословиями [2]) Одни как будто рождены, чтобы тиранически господствовать над другими и получать к жизни всякие удовольствия, а другие— чтобы быть ничтожными, жалкими рабами и стонать всю свою жизнь под бременем труда и нищеты. Эта непропорциональ

---

[1]) „Лучше быть мертвым, чем живым, а счастливее всех тот, кто вовсе не родился и не видит зол, творящихся под солнцем". Le Testament de Jean Meslier, Amsterdam, 1864. I 5

[2]) Т. II 169

ность совершенно несправедлива, ибо она не основается ни на каких личных заслугах. Ссылаться на заслуги предков тоже не приходится. В самом деле, откуда взялись эти люди, кичащиеся своею знатностью? Если мы подумаем об историческом происхождении дворянских и княжеских фамилий, если мы проследим их родословные вплоть до источников, то найдем, что предки людей, которые столько кричат о своей знатности, были люди кровожадные, жестокие, тираны, предатели, воры и мошенники. Чтобы этим преступникам придать величие, придумали очень простое средство: одно слово заменять другим. Самые ужасные преступления, самые наглые захваты всегда покрывали и сейчас еще покрывают, называя настоящий разбой — завоеванием и придавая ему этим словом видимость чего-то справедливого. Эти нечестивые и жестокие грабители всегда делают вид, что они охраняют свободу и права народов, их религию и их законы, а на самом деле это — тираны, лицемеры и безбожники. Таковы они все. Что такое знаменитые четыре первые монархии? Это — государства бандитов, авантюристов, пиратов и грабителей. Разве не прав пират Диомед в своей речи к великому Александру? „Я называюсь корсаром, — сказал он, — потому что у меня один корабль, а ты называешься императором потому что у тебя могущественный флот; если бы ты был один и в плену, как я, то на тебя смотрели бы как на разбойника, а если бы я был во главе многочисленной армии, то меня почитали бы императором. Единственная разница между нами в том, что ты делаешь больше зла, чем я. Меня заставила грабить нужда, а тебя только тщеславие и ненасытная жадность". И Александр с этим согласился и взял Диомеда в свою армию, чтобы дать ему возможность впредь грабить как власть имеющему.

Все люди равны по природе. Все имеют равное право жить и ходить по земле и пользоваться естественной

ной свободой и некоторой частью благ земных, занимаясь полезным трудом для приобретения всего, что необходимо в жизни. Зависимость между людьми, которая одних черезчур возвышает, а других унижает, одним дает слишком много, а другим—ничего, одним—все блага и удовольствия жизни, другим—горе, несчастье, нужду и заботы,—такая зависимость несправедлива и ненавистна, она явно противоречит естественному праву. Мало того, она сеет гордость, высокомерие, тщеславие, надменность в одних, а в других порождает ненависть, гнев, желание мести. Как языческая, так и христианская философия одинаково признают естественное равенство людей. Пример—Сенека,—с одной, и Евангелие,—с другой стороны. Все мы равны по своему происхождению, один не благороднее другого, разве только он выше по духу, более добродетелен и более способен к умственному развитию. Король, князь, монарх, повелитель, знатный, подданный, вассал, вольноотпущенный, раб,—все это имена, созданные тщеславием, несправедливостью и тиранией. Христиане не могут оспаривать этих мыслей на том основании, что они принадлежат языческим философам. Сам Христос повелел смотреть на людей, как на братьев и любить их, как братьев. „Кто хочет быть первым среди вас, да будет последним“, сказал он. Не гордиться следовало бы своей знатностью, а стыдиться ее.

Итак, преимущества, которыми знатные пользуются перед народом,—несправедливы. Отметим здесь, что слово народ (peuple) для Мелье [illegible] крестьянин (paisan). Первое, [illegible] незаметно для самого автора заменяется вторым. Народ, т.-е. крестьяне, это—рабы знатных. Крестьяне вынуждены терпеливо сносить не только грубое и презрительное отношение, не только обиды со стороны дворян, но всевозможные притеснения и *явную несправедливость*. Нет ничего более жалкого и несчастного, чем французский крестьянин. Он работает [illegible] и на [illegible] в [illegible] вынос

батывает на пропитание самому себе. Дворяне недовольны еще, что пользуются почетом, что им принадлежат лучшие земли—они стремятся хитростью или силой отнять у других их достояние. Они заставляют платить себе подати, отбывать барщину и оказывать такие услуги, какие крестьяне вовсе не должны оказывать. Они не довольны, если им не дают всего, что они требуют, если перед ними не ползают на коленях. Самый маленький дворянчик заставляет крестьян трепетать перед собою, старается урвать, что только может, то у одного, то у другого из них. Они—настоящие черви; как черви, они пожирают простой народ. Бедные люди были бы счастливы, если бы их не мучил этот злой гад; они будут вечно несчастны, если от него не отделаются. „Вам говорят о дьяволах, дорогие друзья; вас пугают одним только именем дьявола, вас заставили поверить, что дьяволы—самые злые и отвратительные существа, что они—худшие враги человеческого рода, что они стараются только о том, чтобы погубить людей и сделать навеки несчастными в аду. Но знайте, что для вас нет более злых дьяволов, чем те люди, о которых я сейчас говорю; у вас нет худших и злейших врагов, чем знатные, великие и богатые: они вас грабят, они вас мучают, они делают вас несчастными". Живописцы ошибаются, рисуя дьяволов в виде безобразных, противных чудовищ. Их следует изображать в виде этих прекрасных господ или в виде прелестных дам и девиц, наряженных, напудренных, завитых и блистающих золотом, серебром и драгоценными камнями. Дьяволы, которых рисуют проповедники и художники, существуют лишь в воображении: они могут внушать страх только детям и невеждам, они не могут причинять реального зла. А эти дамы и господа вполне реальны, как реальны причиняемое ими вас [1].

[1] Testament II 182—8.

3) Второе зло особенно процветает во Франции и состоит в том, что насчет народа живет множество людей совершенно для него бесполезных. Но этого мало: обязанность многих из них в том и состоит, чтобы грабить и угнетать народ. Справедливо ли, чтобы этот самый народ их содержал? Это относится, конечно, не только к тем канальям, которые из нищенства делают себе ремесло, вместо того, чтобы заниматься полезным и честным трудом,—это относится также и к богатым бездельникам. Под тем предлогом, что у них достаточно доходов, они не занимаются никаким трудом, но живут в непрерывной праздности, заботясь лишь о прогулках, играх, развлечениях, сне и еде, вообще, о том, как приятнее провести жизнь. Ясно, что все эти бездельники, как богатые, так и бедные, не принося обществу никакой пользы, живут на счет чужого труда.

Самый многочисленный разряд тунеядцев — *духовенство*, — все эти аббаты, приоры, каноники, монахи и монахини. Исключение делает Мелье только для священников и епископов, так как в числе их обязанностей есть одна, действительно, полезная для общества — моральное воспитание паствы. Все же остальные, — а в римской церкви, добавляет Мелье, их много и притом самых различных сортов, — какую пользу приносят они миру? — Никакой. Какие услуги оказывают они обществу?—Никаких. Что они делают в приходах?—Ничего. А, между тем, именно, эти элементы духовенства наиболее обеспечены в материальном отношении. Особенно странно смотреть на монахов. Они дают обет бедности и отречения от мира с его тщетой и суетой, их долг—умерщвление плоти и покаяние, а в то же время они обладают богатствами и живут в свое удовольствие. У них роскошные сады, дворцы, кухни, в которых имеется все, чего только они могут пожелать. У них значительные имения, им же идет часть десятин, и часто они еще пользуются сеньериальными правами. Словом они в и-

обилии жнут, где не сеяли, и собирают, где не рассыпали. Одно аббатство обладает такими богатствами, каких не имеет ни один итальянский государь. Какое безумие предоставлять столько богатства в руки людей, которые должны жить в бедности и покаянии! Какое безумие предоставлять столько богатств людям, которые не делают ничего стоющего и совершенно бесполезны. Какое безумие содержать этих людей насчет труда других! Ибо, „хотя они и обладают богатствами, но эти *богатства приносят доходы, лишь благодаря труду других людей*". Не лучше так называемые нищенствующие монахи. По правилам св. Франциска они обязаны трудом снискивать себе пропитание и только при невозможности заработать достаточно имеют право прибегать к подаянию. На самом же деле большинство нищенствующих монахов живет на общественный счет, и лишь немногие из них оказывают обществу какие либо услуги. А кормятся они очень хорошо: все живут в изобилии. Почему же, осуждая попрошайничество светских, разрешают его духовным, которые, ведь, должны быть солью земли и светом мира? Разве это согласно с писанием? Откармливать духовных кровопийцев, в то время, как лучшие работники, занимаясь целые дни полезным трудом, не имеют часто самого необходимого — вопиющая несправедливость. Час хорошего труда стоит больше, чем все, что делают монахи.

Помимо людей бесполезных на общественный счет содержатся и такие, которые приносят народу явный вред. К числу их Мелье относит юристов, откупщиков, винных надсмотрщиков, сборщиков податей и, наконец, „плутов, каналий и мошенников соляного и табачного надзора, которые шатаются по стране и разыскивают свою добычу". Все они радуются разорению бедных людей и веселятся, когда могут кого-либо захватить в свои лапы. Во Франции не меньше 40 или 50 тысяч людей, грабящих народ под тем предлогом, что они слу-

жат королю и собирают его deniers. Но к этому числу нужно еще прибавить солдат, которые тоже грабят и тащут все, что только найдут.

„*Природа достаточно плодородна*—с сочувствием цитирует Мелье Фенелона —*чтобы дать его, что нужно, бесконечному числу умеренных и трудолюбивых людей, но гордость, изнеженность и тунеядство одних повергают других в бедность и нищету*“ [1]).

5) Из сословного неравенства вытекает еще одно зло. Люди, принадлежащие к семьям различного общественного положения, презирают друг друга, как будто одни по самому своему рождению лучше других, как будто они люди различных рас. Это—явная несправедливость, так как о человеке следует судить на основании его личных качеств и заслуг, а не на основании заслуг кого либо другого. Между тем, из этого предрассудка вытекают в высшей степени пагубные последствия. Те, кого судьба поставила выше других воображают, что они стоят гораздо больше, чем эти другие. У них является стремление к господству, они всех желают подчинить своим законам, как будто они рождены, чтобы повелевать, а все прочие — чтобы им повиноваться и быть их рабами. Они — высшая порода. Простые люди должны быть счастливы даже тем, что служат им. Отделяя себя непроницаемой стеной от низших, они становятся нечувствительны к страданиям народа. Только собственное несчастье иногда смягчает их сердце. Тогда они начинают чувствовать, что и они люди, что нужно жалеть себе подобных.

Переходя от критики социального строя старого порядка к критике строя политического, мы должны сделать одно предварительное замечание. Принципиальная критика абсолютизма незаметным образом сливается у Мелье с критикой его конкретных проявлений во Фран-

ции начала XVIII в. Обе стороны так тесно связаны друг с другом, что пытаться их разъединять—значило бы произвести насилие над мыслью Мелье, лишить ее характерной своеобразности. Мелье в критике общественных отношений менее всего отвлеченный мыслитель, это — человек, который непосредственно испытывает на них страдание. Страдание он и изливает в своей книге. Страдание и вызываемые им чувства: гнев, ненависть, иногда отчаяние—таков ее основной тон. Освобождая мысль Мелье от этой окраски чувства, мы неизбежно представили бы его „Завещание“ в совершенно искаженном виде.

На критике политического строя Мелье останавливается особенно подробно, посвящая ей целых шесть глав „Завещания“. Это будет для нас вполне понятно, если мы припомним, каковы были последствия внутренней и внешней политики французского абсолютизма XVII—XVIII веков для французской деревни.

Все властители, все короли и князья—тираны,—таково основное положение Мелье. Они властвуют над всей землей и без конца угнетают подвластные себе народы своими законами и повинностями. Платон дает также определение понятию тиран: человек, который имеет возможность делать в государстве все, что ему угодно. Под это определение подходят все властители. Они так далеко заходят в своей гордости и наглости, что приводят в защиту своих законов и повелений один единственный довод: такова наша воля; или по-латыни: sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas. Еще пророк Самуил дал прекрасную характеристику царской власти, предсказав израильтянам, какие мучения ждут их от царей. Когда израильский народ просил Самуила дать ему царя по примеру других народов, то Самуил, чтобы внушить израильтянам отвращение к этой мысли, нарисовал перед ним яркую картину будущего. „Знайте

ка[illegible] что цар[illegible] у вас выше[illegible]

дочерей. Они заставят их служить себе. Одних они поведут на войну, где им будет грозить ежедневно смертельная опасность, другие будут состоять при особе царя и прислуживать ему, третьи будут обрабатывать царские земли, как рабы, купленные за деньги. Цари отнимут у вас ваши имущества и ваши стада, чтобы дарить их своим любимцам и евнухам. Ваши дети и вы будете подданными не одного только царя, но и его слуг“. Этот пророк, замечает Мелье, любил справедливость и потому не любил царской власти.

Ни одно пророчество не исполнилось в такой мере, как это. Особенно ясно это можно видеть на примере Франции. Короли — как бы маленькие боги; их льстецы убеждают их, что им принадлежит абсолютная власть над жизнью и имуществом подданных. И они не жалеют ни этой жизни, ни этого имущества: они приносят все в жертву своей славе, своему честолюбию, своей жадности или своей мстительности. Чего только они не делают, чтобы получить все золото и серебро подданных. Они налагают под разными пустыми и ложными предлогами подати, добавочные подати, вспомогательные подати и т. д; они их удваивают и утраивают по своей прихоти. Почти каждый день издаются новые приказы, клонящиеся к тому, чтобы заставить народ доставлять королю все, чего он требует. Если же народ не может платить, то в деревни появляются солдаты и подобные им канальи, которые выколачивают подати, причем народ должен еще их содержать на свой счет. Напрасно ссылаться на бедность — жалоб не выслушивают, а если и обращают на них внимание, то на манер Ровоама, который ответил народу, жаловавшемуся на чрезмерные тягости, наложенные его отцом: „pater meus coecidit vos flagellis, ego autem coedam vos scorpionibus“ [1]. Принцип королей и их первых министров известен: не

[1] Отец мой бил вас батогами, а я буду бить [illegible]

необходимо высосать народ, сделать его нищим, чтобы держать его в покорности, чтобы он не был в состоянии ничего предпринять против их власти. Они дают обогащаться на счет народа финансистам и сборщикам, чтобы затем ограбить и их, пользуясь ими, как губкой, которой дают наполниться, чтобы затем выжать. Они все старраются сеять раздоры среди народа, чтобы сделать невозможными заговоры против них. И налоги в этом отношении для них—великолепная вещь. Талья (один из главных налогов, падавших на крестьян) обогащает короля и истощает народ, с одной стороны, а с другой вызывает между отдельными лицами бесконечные споры и тяжбы. Распределение тальи в приходах рождают вечные ссоры и ненависть. Эти несчастные, ссорясь друг с другом, отвлекаются от единственной и истинной причины зла—короля и его министров. Они не имеют достаточно смелости, чтобы объединиться и общими усилиями свергнуть иго одного человека; они не осмеливаются даже роптать открыто против него, и своему чувству гнева и злобы они дают выход во взаимной грызне. Под страхом сурового наказания, — конфискации имущества или заключения в тюрьму, — бедный народ отдает свою последнюю копейку. Это иго становится еще более невыносимым, благодаря [illegible] и нахальству тех, кто участвует в сборе податей. [illegible] такого маленького чиновника, сбор[illegible] или надсмотрщика, который не считал бы себя в праве грабить и обижать народ.

Но прямые налоги — только часть [illegible], что народ платит королю. [illegible] еще налоги на различные товары: на вино, на мясо, на водку, на [illegible], на масло, на шерсть, на кожу, на соль, на бумагу и на табак; приходится платить за право ввозить и вывозить товар, за венчание, крестины, [illegible] и т. д. Для торговли необходимо иметь [illegible] количество всевозможных документов. Эти документы можно смело [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

лиоёнсе. Если кто-либо, торгуя без документов, попадется в руки страже этого зверя короля, то ему грозит конфискация товара, тюрьма галеры, иногда даже позорная смерть. Если бы это было возможно, то король, наверное, заставил бы платить за ветер и за тучи.

Мелье приводит ряд примеров количественного роста податей, а наряду с этим отмечает и изменение в самой постановке налоговой системы. Короли постепенно превращают все временные налоги в постоянные и освобождают себя от обязанности испрашивать разрешение на сбор налогов у народного представительства—генеральных штатов Мелье вполне согласен с известным писателем XVII века де-Коминном, что налагать налоги без согласия тех, кто должен платить, могут только тираны и насильники. Никакая крайность не может этого оправдать. Пример Марка Аврелия показывает, как должен поступать в случае нужды понимающий свои обязанности император (таких в настоящее время нет, замечает Мелье в примечании). Истощив свою казну в войне с германцами. Марк Аврелий не пожелал налагать на своих подданных чрезвычайные налоги а предпочел распродать императорские сокровища и таким способом пополнить дефицит Без разрешения народа ни один государь не имет никакого права облагать своих подданных. Вывода о необходимости созыва Генеральных Штатов Мелье, однако, не делает. Его идеал—не ограничение, а уничтожение королевской власти, частичные же улучшения его не интересуют.

Абсолютизм разрушает благосостояние народных масс не одними налогами. Войны в этом отношении не менее важны. Когда у королей является желание расширить свои владения, то эта прихоть удовлетворяется ими на счет жизни и имущества бедного люда. Для армий нужны солдаты—их берут, по доброй воле или против воли,—как придется; для содержания армий нужны деньги и провиант—и это берут Мало того Народ подвергается

постоянным насилиям и грабежам со стороны ... собственной армии они отнимают у народа все, ... только найдут. А когда армия проникает в неприят... скую страну, то тут уже она все предает огню и м...

Ни один король не был таким абсолютным повел... лем и ни один не сделал своего народа таким н... стным, как Людовик XIV. Ни один король не пр... столько крови, не разорил столько провинций и гор... Сколько людей он погубил, сколько вдов и сирот ... ливают из-за него слезы. И его прозвали великим! ... нечно, не за великие и достойные похвалы деяния, ... таких за ним нет, а за великие несправедливости, ... ликие опустошения, великие убийства, виновником ко... рых он был.

В виде общего вывода Мелье вновь повторяет с... основной тезис: все короли — тираны, в особенно... короли Франции. *Не народы созданы для правителей, ... правители для народов*, их можно с полным правом ... звать слугами общества. Но, если так, то обязанно... правителей состоит в обеспечении народам спокойс... и безопасности, хотя бы ценою собственной жизни. ... ница между идеальным правителем и тираном так... первый любит своих подданных, как отец детей, и ... бим ими, второй смотрит на подданных, как на раб... и они его ненавидят; первый рискует собой для бл... народа; второй приносит народ в жертву своему т... славию; первый подчиняется закону, второй жела... чтобы ему все было позволено. Даже защитники аб... лютизма (напр. Ришельё) признают, что цель короля ... благо народа, это — центр, к которому тяготеет их ... тельность. Ясно как мало соответствует действите... ность этому идеалу [1]).

Но льстецы королей утверждают иное. Они говор... что короли — абсолютные и единственные повелители с...

---

[1] Testament ... 238—78

их государств что они имеют право об'являть войну и заключать мир, что они могут, не спрашивая никого, вводить налоги и увеличивать их, издавать законы и повеления. Они убеждают королей, что всякие реформы опасны, что благосостояние располагает народ к мятежам, что только нищета делает его покорным. И короли поддаются влиянию этих льстецов. А, между тем, это — явная ложь. Гордость и обиды сильных, множество тунеядцев, сидящих на шее у народа, неспособность королей и их невнимание к нуждам народа — вот причины революций. А если оставить рабочему кусок хлеба, того хлеба, который он сам заработал в поте лица, — неужели он может из-за этого восстать? Революции вызываются страданиями, а в страданиях народа всегда виноваты сами короли, которые должны были бы заботиться о благосостоянии народа.

В изложенных нами частях „Завещания" Мелье является исключительно в роли критика социальных и политических основ старого порядка. Правда, и здесь мы уже встретили два положения, которые, будучи последовательно развиты, могут вывести далеко за эти пределы. Это, во первых, та мысль, что *право пользоваться продуктами* — частью благ земных — *связано с обязанностью заниматься полезным трудом*, и, во вторых, признание экономической истины, что *исключительно труд является источником д[illegible]*

Мы рассмотрим эти положения ниже в связи с социалистическими идеями Мелье. [illegible] же остановимся на двух вопросах: что нового [illegible] по сравнению с остальной оппозиционной публицистикой [illegible] XVII и начала XVIII в дает нам Мелье в критике старого порядка, что оригинально в этой критике и под какими влияниями сложились взгляды Мелье [illegible] строй и особенно на абсолютную монархию?

Если мы будем сравнивать Мелье [illegible] тем единственно [illegible] значительным на [illegible] рубеже XVII и XVIII [illegible] дворянски чи-

новническим направлением оппозиции, которое представлено Вобаном и Буагильбером, то мы найдем между ними два весьма существенных различия. Вобан и Буагильбер, обсуждая причины бедственного положения французского народа, все свое внимание сосредоточивают на одной стороне вопроса—на государственной эксплоатации; эксплоатация феодальная затронута ими в весьма слабой мере. Возможно, что эта неравномерность обусловлена отчасти социальным положением авторов,—мы знаем, напр., что Вобан сам был очень крупным землевладельцем. Но, несомненно, здесь могла действовать и другая причина, отмеченная уже выше: для Вобана и Буагильбера, как для наблюдателей со стороны, феодальная эксплоатация могла казаться чем то малозначительным по сравнению с тяжким бременем, наложенным на крестьян государственной властью. Мелье же, стоя гораздо ближе их по своему социальному положению, и по своему настроению к крестьянской массе, не мог, подобно им, видеть единственную причину зла в ложном направлении правительственной политики, не мог игнорировать социального неравенства, не мог не принимать в расчет феодальных поборов, как ни были они относительно ничтожны.

Есть и еще одно, не менее важное различие. При всей резкости своих нападок на правительство, и Вобан и Буагильбер совершенно не затрагивают принципа абсолютизма. Критикуя недостатки администрации, они остаются монархистами. Их идеал ничем не отличается от идеала [illegible] монарха, любящий свой народ, [illegible] обременяющий его налогами [illegible] заботящийся о его благосостоянии [illegible] тщательно контролирующий чиновников. Мелье [illegible] пессимистически и в то же время [illegible] реальнее смотрит на монархию [illegible] всегда [illegible] оказывалось добрых монархов [illegible] менее [illegible] более ретительна. Но [illegible]

нем любого из философов, любого из публицистов XVIII в вплоть до Руссо,—вряд ли мы найдем хоть одного, который был бы столь последователен в своей критике старого порядка.

По отношению к народу Мелье настолько же оптимист, насколько пессимист по отношению к правящим. У него нет совершенно того страха перед народной массой, который так характерен для народолюбивой интеллигенции даже более поздней поры — середины и конца XVIII в. Нет никакого сомнения, что Мелье был бы возмущен до глубины души знаменитой фразой Руссо о том, что рабов надо сначала сделать *достойными* свободы и *способными* ее переносить, а затем уже их освобождать. Его демократизм не допустил бы этого. У него не было мысли о том, что народу должен кто-то дать свободу, только сам народ может ее добыть. Он был слишком близок к народу, чтобы бояться его, чтобы считать его недостойным свободы. Во всей французской публицистике XVIII в. нет более решительного демократа, более последовательного защитника интересов крестьянской массы.

С этим тесно связана еще одна особенность „Завещания“,—о ней уже приходилось говорить. Это—то чувство, которым пропитана каждая его строка. Оно не имеет ничего общего с чувствительностью, столь свойственной XVIII в. вообще, школе Руссо—в частности. Не слезоточивое сострадание к обездоленным, а ненависть к угнетателям составляет пафос „Завещания“,—та ненависть, которая одна только делает возможными революции. Таким образом, последовательный, не знающий компромиссов, демократизм и революционное чувство—таковы особенности критики старого порядка в „Завещании“, дающие ей совершенно особое место в оппозиционной литературе XVIII века.

Ответив на первый вопрос, мы уже отчасти подготовили ответ на второй. [illegible]

вой жизни—источник революционного настроения Мелье. Только непосредственная близость к народу, только непосредственное страдание его страданиями сделали из Мелье демократа и революционера. В той же жизни и источник его односторонности. Народ для него—крестьянство. Городов и городского населения как будто вовсе не существует. Разумеется, было бы нелепо ставить это в упрек Мелье. Условия его личной жизни сложились так, что деревня с неизбежностью выдвигалась на первый план. А развитие промышленного пролетариата не достигло еще в начале XVIII в. такой степени, чтобы вывести мысль Мелье за пределы личного кругозора.

Переходим к литературным влияниям. Мелье, как мы видели, отнюдь не был невеждой, и книжные знания послужили ему великолепным орудием в той работе, основное направление и цель которой были даны жизнью. Не говоря уже о том, что он прибегает часто—можно сказать, чаще, чем следует—к длиннейшим цитатам, иной раз ничего не прибавляющим к кратко изложенной и по обыкновению резко формулированной мысли самого Мелье, мы легко можем заметить влияние предшественников и в тех частях „Завещания", где он говорит от своего имени. Особенно резко бросается в глаза это влияние там, где идет речь о монархии вообще, где излагается, так сказать, теория монархии. Совершенно ясно, что все основные черты этой теории заимствованы у монархомахов XVI в. [1]), притом почти в неизмененной форме. Возьмем основное положение: народы созданы для князей, а князья для народов, их можно назвать слугами общества. Связь этого положения с учением монархомахов несомненна. Таково ж

[1]) Монархомахи—политические мыслители, враждебные абсолютной монархии, доказывавшие, что верховная власть принадлежит народу. Ср. *Gierke*, J. Althusius, *Labitte*, De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue.

происхождение и всей остальной теории. И отрицание принципа абсолютной власти монарха, и мысль о подчинении монарха закону, и противоположение монарха истинного и тирана,—все это может быть сведено к тому же источнику. По мнению Буше, напр., пользоваться формулой „такова наша добрая воля“ [1]), говорить „мое государство, мое королевство, мое духовенство, мое дворянство, мои подданные“,—значит узурпировать права церкви и народа. Свобода власти от подчинения закону не признается монархомахами не только по отношению к правителю, но и по отношению к самому народу. Правда, у монархомахов имеется отсутствующая у Мелье классификация монархов на politice regentes и tyranice regentes, т.-е. правящих по законам и тиранов. Для Мелье же добрый король (bon roi) или politice regens—лишь идеал, он отводит для него лишь отдаленное легендарное прошлое. Все же реальные короли—тираны. Но и эта мысль Мелье является лишь дальнейшим развитием мысли Отмана, утверждающего, что неограниченная власть имеет естественную тенденцию к тирании, и особенно Ла-Боэси, у которого эти два понятия совершенно сливаются.

Близость Мелье к монархомахам любопытно отметить. К вопросу об их влиянии нам еще придется вернуться.

III.

С критикой тех основ старого порядка, которые должна была вскоре разрушить великая революция, сплетается у Мелье критика частной собственности и семьи, начал, оказавшихся для той же революции священными и неприкосновенными. Для самого Мелье грань, отделяющая принципы, в его время уже отживавшие, от тех, которым была суждена еще долгая жизнь и долгое господство,

---

[1]) Такова была старинная форма королевских повелений.

совершенно нечувствительна. Но нам, в целях ясно-
й отчетливости изложения, приходится выделить соци-
алистическую критику общества и коммунистические ид
Мелье из всей совокупности его социально-политич
ских идей.

Среди критиков существующего общественного стр
самую влиятельную группу составляли в XVIII в. ст
ронники демократии мелких собственников. Во глав
этой группы стоит один из популярнейших мыслител
XVIII в.—Руссо. Группа Руссо защищает интересы
отчасти отражает настроения масс населения, страдаю
щих от капиталистического развития: мелкого городског
и особенно деревенского люда. Прогресс для этих обще
ственных слоев—разрушительная сила, отнимающая со
ственность, превращающих хозяина-мастера или кресть
янина в батрака, сводящая до минимума заработок са
мостоятельного производителя, бессильного против кон
куренции крупных предпринимателей. И их теоретик
мечтают повернуть назад ход истории, задержать разви
тие индустрии и торговли, обеспечить неприкосновен
ность мелкой собственности, помешать накоплению ка
питалов. Они видят, что неограниченное господств
частной собственности ведет с неизбежностью ко все
тем бедствиям, с которыми они борются. Следовательн
частная собственность сама по-себе есть зло. Это по
ложение приводит их иногда к чисто социалистическо
теории. Но, переходя к практическим мерам, они тот
час возвращаются к частной собственности: без нее дл
них не может существовать общество. Самые решитель
ные из них требуют всеобщего передела земли, мелки
неотчуждаемых наделов; более умеренные довольствую
ся законами против роскоши, стеснением торговли, за
прещением и регламентацией наследования. Социализм
для них—орудие критики, но отнюдь не план их ид
ального строя. Их руководящая идея—не уничтожени
частной собственности, а уравнение имуществ более и

менее радикальное. Поэтому, эгалитаризм—наиболее подходящее название для характеристики этой группы. Помимо Руссо, к эгалитаристам близок и аббат Мабли, более симпатизирующий коммунизму в теории, но все же крайне умеренный в своей практической программе.

Мелье наряду с Морелли является представителем иного крыла социальной критики XVIII в.,—крыла последовательно коммунистического. Для Мелье в противоположность Руссо социализм—не только орудие разрушения старого, но и план постройки нового общественного здания. Группа коммунистов, к которой принадлежит Мелье, в XVIII веке немногочисленна и неособенно популярна. Ее естественная аудитория—городской и сельский пролетариат еще очень далека от сознания своих классовых интересов. И все же всякий, интересующийся развитием общественной мысли, неизбежно заинтересуется и этими предтечами великого социалистического движения XIX в. Голоса таких одиночек, как Мелье, редко становятся достоянием истории. Между тем, они для истории далеко немаловажны. Мало того, что своей скромной, незаметной и неблагодарной работой мысли они расчищают путь для писателей иного, лучшего времени. Они интересны и для характеристики своей эпохи. Мелье кажется нам сейчас мыслителем совершенно одиноким. По почем мы знаем, сколько было еще людей, подобно ему заброшенных судьбой в глухие деревни, отрезанных от общения с литературным миром, подобно ему болезненно чувствовавших всю несправедливость окружавшей их жизни? Почем мы знаем, наконец, какие смутные мечты и чаяния бродили в среде самой обездоленной массы?

Одно из самых распространенных зол общественной жизни,—говорит Мелье,—*состоит в том, что все блага и богатства земли находятся в частном владении* [1])

---

[1]) Testament. II, 210.

Последствия этого зла весьма пагубны. При част[ном] владении и пользовании богатствами каждый стрем[ится] иметь их как можно больше и приобретать их как угодно средствами; ибо жадность ненасытна и пр[обуж]дает в человеке все его порочные наклонности. [Ча]стная собственность, это — как бы открытая дверь [для] ее деятельности. Люди, частью чтобы только обезопа[сить] себя от нужды, частью чтобы достигнуть возможн[ости] удовлетворять все свои желания, ведут ожесточен[ную] борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловки[е], часто самые злые, недостойные, побеждают в этой бо[рьбе] и захватывают в свои руки жизненные блага. Возни[кает] вопиющее неравенство: одни имеют больше, др[угие] меньше, иногда одни имеют все, другие ничего. У о[дних] прекрасная пища, одежда, жилище, а у других нет [и] [при]станища, они погибают от холода и голода. Одни [об]жираются и опиваются в то время, как другие умир[ают] от голода; одни живут в вечной радости, другие в [веч]ном унынии на долю одних достается почет, др[угим] достается унижение. Ибо богатых всегда почитаю[т], бедных презирают. Одни ничего не делают, но отдыхают, гуляют, спят, сколько угодно, и жире[ют в] приятной праздности, другие изнемогают от труда, [не] имеют отдыха ни днем, ни ночью, проливают свой [пот] и свою кровь, чтобы только иметь возможность су[]ществовать. Словом, одни живут в блаженстве и в [из]битии, так будто в раю, другие в страданиях и в нуж[де], в настоящем аду. И они совсем рядом,—ад и рай часто отделяет друг от друга только ширина улицы [или] простая стена. Но что наиболее отвратительно, засл[у]живающие райского блаженства очень часто страда[ют в] аду, а заслуживающие адских мук преспокойнейшим [обра]зом пользуются блаженством рая. В этом мире [злые] награждаются, а добрые получают наказание.

Но и это еще не все. неравенство в распределении [бо]гатств порождает среди людей зависть и взаимную

чависть. Начинаются ропот, жалобы, смуты, восстания словом, неисчислимый ряд бедствий. Те, у кого нет даже самого необходимого, вынуждены для поддержания своего существования прибегать к таким средствам, как воровство, убийство, грабеж и т. п. Бедность отцов отражается и на детях. Отцы, необразованные, плохо воспитанные, голодные, не имеют ни желания, ни возможности лучше воспитывать, обучать и кормить своих детей. Поэтому они и живут всю жизнь в невежестве, грубости, грязи, нищете.

Итак, частная собственность и неизбежно с нею связанная борьба за существование — источники неисчислимых зол и бедствий. Невольно возникает вопрос: нарисованная Мелье картина борьбы за существование, в которой побеждают более приспособленные, т. е. более хитрые и злые, является ли результатом наблюдений над окружающей жизнью, или это только чисто теоретическое построение, имеющее целью объяснить происхождение неравенства и заимствованное из какого-либо литературного источника. На вопрос, поставленный в такой форме, трудно дать определенный ответ. Несомненно, в приведенном отрывке „Завещания" очень мало конкретного; читая его, чувствуешь, что речь идет о некотором общем законе, а не о жизненном процессе, непосредственно наблюдаемом автором, не о Франции XVIII в., а о человеческом обществе вообще, о законах его развития. Лишь там, где Мелье переходит к изображению самого неравенства, слышится нота сочувствия реальному человеческому страданию. К тому же с теориями, считающими частную собственность причиной неравенства, Мелье, несомненно, был знаком еще в семинарии: недаром же он изучал классиков. Но если мы даже признаем теорию Мелье простым заимствованием, то это не освободит нас от необходимости ответить на новый вопрос: что предрасполагало Мелье к принятию именно этой теории? Если мы и здесь попытаемся от

вернуться от жизни, то нам останется один исход— лить все на случайности самопроизвольного пересе… идей.

Мы указывали, что в середине XVII в. капита…ческие формы начали уже проникать в сельск… ство. Источники, — показания современников, — … говорят о существовании в деревне предпринимат… рабочих. Трудно судить, как далеко зашла пролета… ция крестьянства во времена Мелье. Капиталистич… развитие деревни, как мы видели, сильно тормоз… общими условиями старого порядка. Но вызванный … условиями кризис вовсе не был благоприятен для … шего слоя деревенского населения. В частности, п… таризация, распродажа крестьянских участков лишь … рилась благодаря кризису. При этом, вследствие сла… спроса на рабочие руки в связи с недостаточно быс… развитием капитализма, пролетаризация была равнос… обнищанию и принимала такие формы, которые дол… были особенно сильно действовать на умы совре… ников.

Эти-то впечатления и были, думается, источником … цательного отношения Мелье к институту частной … ственности. Факт обезземеления и скупки земли, по… ченный в сравнительно узкой области на фоне по… местно царящего неравенства, послужил толчком, за… вавшим мысль Мелье работать в этом направле… заставившим его вспомнить старую теорию и утверди… в ней. Так получился общий закон, объясняющий … происхождение неравенства вообще.

Не оставлена в „Завещании“ без внимания и др… основа буржуазного строя—семья. Мелье не отр… индивидуальной семьи вообще. Но он — реши… противник нерасторжимости браков. Что получается… этой нерасторжимости?— спрашивает Мелье — Н… слимое количество несчастных жен и мужей, ког… несчастны с злыми женами и … … …

с злыми мужьями Они уже не любят друг друга; они уже не могут мирно ужиться, вечно бранятся и проклинают свой брак, а порвать законным образом связывающей их цепи не могут. Чтобы избавиться от ненавистной связи, люди идут даже на убийство.. Несчастны мужья и жены; но несчастны также и дети. Не говоря о том, что они видят ежедневно ссоры между родителями, что служит им дурным примером; родители не обращают внимания на их образование и воспитание, так как им не до того, чтобы думать о детях.

Итак, самая основная норма современного общественного строя является матерью всех зол. Как же его перестроить, какие новые основы ему дать? Теоретическая почва на которой воздвигается у Мелье здание идеального общества, нам уже отчасти известна Мы знаем, с одной стороны, что „природа может дать пропитание неограниченному количеству людей“, с другой стороны, что единственный источник дохода—человеческий труд. Как вывод из этих двух положений, получается норма естественного права: все имеют равное право на часть благ земных, но при условии выполнения обязанности трудиться. *Равенство в труде и наслаждении* - вот цель и смысл коммунистического идеала Мелье. Его коммунизм не ограничивается поэтому сферой производства, но простирается и на потребление. *Люди должны владеть всеми благами и богатствами земли сообща и на равных правах и пользоваться ими также сообща и равномерно* [1]) Все жители одной местности, напр., одного города или одного прихода должны составлять как бы одну семью. Они должны любить друг друга, как братья и сестры, должны жить вместе, пользоваться одинаковой или подобной пищей, иметь одинаково хорошее жилище, одинаково хорошую одежду. Но, с другой стороны, все обязаны принимать участие в труде каждый сообразно

[1]) Testament, II, 210.

своей специальности. Работы должны распределяться между членами общины по временам года в зависимости от потребности в тех или иных продуктах и от удобства их производства.

Как видим, Мелье совершенно чужда идея права на труд. Труд для него — обязанность. Говорить о праве на труд в его идеальном обществе нет поэтому никакого смысла. Конструкция социалистического общества в этом принципе не нуждается. Впрочем, идея права на труд настолько тесно связана в своем происхождении с развитием промышленного пролетариата, с существованием резервной рабочей армии и периодическими кризисами, что ее отсутствие у писателя начала XVIII в. понятно и само по себе, без дальнейших объяснений.

В приведенной нами схеме коммунистической ячейки большую роль играют моральные чувства. Можно подумать, что на взаимной любви и должно держаться это маленькое общество. Мы имели бы тогда перед собой разновидность коммунистического анархизма с ярко выраженной моральной окраской. Но на самом деле этого нет. Мелье вполне признает необходимость власти. Никакое человеческое общество, говорит он, даже будучи хорошо организовано, не может само собой сохранять порядок без некоторой зависимости между его членами и подчиненности одних другим[1]. Эта необходимая подчиненность не должна лишь нарушать закона справедливости, она не должна одних чересчур возвышать, а других унижать, одним давать все, а другим ничего. Иначе она обращается в тиранию. Такая справедливая субординация должна существовать и в коммунистическом обществе. Функции власти сводятся, повидимому, к организации производства и распределения. Точных указаний на это у Мелье нет, но это необходимо вытекает

кает из его оптимистического взгляда на нравственное совершенствование людей при коммунистическом строе.

Между отдельными общинами должна существовать федеративная связь. Для сохранения мира и для взаимной помощи в случае нужды они заключают союзы. Без взаимной помощи их благосостояние непрочно.

Остается неясным вопрос, как представляет себе Мелье организацию власти. С одной стороны, руководительство общиной должно, по его мнению, принадлежать наиболее мудрым и опытным; в одном месте он даже прямо говорит—старцам [1]). С другой стороны, он защищает выборное начало. Думал ли он, что при выборах естественно выдвинутся опытные старцы или предполагал какое либо ограничение избирательного права, сказать трудно Возможно, что над деталями он, вообще, не задумывался. Интересно, что такое же сочетание двух принципов—демократического и патриархального, находим мы в самой разработанной социалистической системе XVIII в — у Морелли. Что касается Мелье, то у него тут сказалось, несомненно, влияние того института, по типу которого он строит свою ячейку, т-е семьи Но в том же вопросе об организации власти имеется между Мелье и Морелли важное различие: Морелли—проповедник централистического социализма, Мелье — общинного. Эта особенность в системе Мелье объясняется, конечно, тем, что во всех своих построениях он исходит из круга крестьянских, сельскохозяйственных отношений. У него нет сознания необходимости широкой, народно-хозяйственной организации, так как самая идея народного хозяйства находится за пределами его кругозора Вообще, экономическая действительность XVIII в. далеко не в такой степени благоприятствовала распространению идей централистического социализма, как торгово-промышленное развитие XIX в Мелье со своей коммуни

[1]) Testament III 379

стической общиной тесно примыкает к традиции ср д.
вековото коммунизма и коммунизма реформации (' и
религиозно-народным коммунизмом он связан самы
тесными идейными узами. Наоборот, влияния утописте
централистов вроде Мора или Кампанеллы мы у Ме.
совершенно не замечаем. Мор со своим централизм
опередил свое время: Мелье не смог подняться н
господствовавшими в его эпоху хозяйственными отн
шениями. Но мы отнюдь не должны ставить из-за эт
Мелье рядом с общинными коммунистами XIX в. .
XIX в призыв к общинному коммунизму имел хоз
ственно реакционный смысл. То, что должно было бы
ясно в эпоху Оуэна, в XVIII в. было доступно ли
особо одаренным прозорливцам.

Как материальные, так и нравственные последствия
мены личной собственности коллективной будут по мнени
Мелье поразительны и покажутся неожиданными для бе
няков. Никто ни в чем не будет нуждаться, всякий будет п
лучать в общине необходимые для него и для его детей пищ
одежду и жилище. Не будет обманов и уловок, к кот
рым теперь прибегают, чтобы поддеть ближнего, не б
дет процессов, исчезнет зависть, так как все будут пр
близительно равны. Не будет краж, грабежей и убийс
никто не будет стремиться к чужому кошельку, так
это не будет нужно. Никому не придется надрыват
в чрезмерной работе; все будут работать, никто не
дет праздным, и поэтому каждый будет работать тол
за себя. „Вы удивляетесь, бедные люди. Вы спрашивае
почему же вам приходится столько трудиться и стол
страдать? Причина очень проста. Вы содержите сво
трудом бесконечное количество тунеядцев, и не толь
их самих, но и их прислужников. Вы доставляете
все необходимое для их существования и для их у
вольствий. Если же труд будет распределен между вс
людьми, то ваша доля труда неизбежно сократится
будете жить счастливее, а трудиться меньше". Ме

сказать, что люди будут счастливее если захотят, они смогут жить роскошно Им будет очень легко построить себе повсюду дворцы, развести прекрасные сады они смогут улучшить способы обработки земли и получать благодаря этому, изобильные урожаи [1]).

Словом, Мелье предвидит при осуществлении коммунистического строя грандиозный подъем производительных сил и быстрое повышение уровня общего благосостояния Мысль, общая почти всем без исключения социалистическим писателям; наиболее подробно она развита из утопистов—у Фурье, из современных социалистов—у Бебеля. Аскетическое противоположение изобилия и добродетели, которое мы встречаем, напр., у Мабли, у Руссо Мелье совершенно чуждо, как чужда ему вся христианская ~~мораль с ее проповедью~~ самоотречения и смирения Наоборот, возможность удовлетворять все свойственные человеку потребности—лучшая гарантия добродетели Мелье, как мы видим, не сторонник экономического застоя; но само собою разумеется, что об'ективно его учение, враждебное капиталистическому развитию, было призывом к экономической реакции подобно учениям наших социалистов народников

Брака, в смысле юридической связи в будущем обществе не должно быть Женщины и мужчины будут в этом отношении совершенно свободны Они будут сходиться друг с другом, исключительно следуя взаимному влечению Когда они почувствуют, что им тяжело жить вместе, или что у них явилось влечение к кому-либо другому, они будут свободно расходиться и заключать новые союзы Тогда не будет несчастных браков, не будет семейных раздоров; как только люди перестанут удовлетворять друг друга, они разойдутся, и только единственным мотивом брачного сожительства будут симпатия и доброжелательство Улучшится и положение

1) Le Testament II, 56.

детей. Они не будут, как часто бывает теперь, с самого раннего детства страдать от нужды, голода и холода. Община будет содержать их на свой счет, будет заботиться об их воспитании и образовании. Целью общественного воспитания должны служить—добродетель и честность, целью образования—приобретение полезных для общества знаний. И дети станут людьми мудрыми и честными, людьми способными служить с пользой своей родине.

Наряду с прогрессивной идеей общественного воспитания здесь приходится отметить одну реакционную черточку—стремление нравственно нивеллировать людей при помощи воспитания. Все люди должны руководствоваться в своей жизни одною и той же моралью, одними и теми же правилами поведения. Они не будут тогда видеть своего блага в различных вещах, не будет между ними споров и раздоров, все будут единодушно стремиться к одному и тому же, одинаково понимаемом благу. Мелье не чувствует, что его идеал—полнейшее прекращение умственной и нравственной жизни человечества, застой, за которым неизбежно следует разложение. Это стремление к единообразию чувствуется и у Морелли, хотя оно вовсе не связано принципиально с идеей общественного воспитания. Скорее всего, в нем следует видеть бессознательный протест враждебной капитализму мысли против надвигающейся вместе с ним городской культуры, пестроты быстро сменяющихся идей, настроений, вкусов и мод. Это идеализация старого единообразия веры, дополняющая идеализацию старой ограниченности экономических отношений. И то, и другое—явления одного порядка, тесно связанные друг с другом.

Полный отказ от регламентации брака составляет оригинальную черту „Завещания“. Почти все социалисты XVIII в., отказываясь от нерасторжимого брака, все же обставляют его целым рядом формальностей, иногда бо

лее сложных, чем формальности обычного церковного брака. Да и многие социалисты XIX в склоняются к тому же. Мелье относится гораздо более доверчиво к человеку, к его врожденным нравственным качествам, а именно недоверие, подозрительность и диктуют обыкновенно всевозможные планы вмешательства в брачную жизнь. С другой стороны, у Мелье нет опасливой мысли, перешедшей к позднейшим социалистам от мальтузианства,—мысли, что свобода брака так усилит рост народонаселения, что для спасения человеческого рода от голодной смерти придется прибегать к предохранительным средствам. Для него производительная сила природы неисчерпаема

Замечательно, что часть „Завещания", посвященная развитию социалистических идей, чрезвычайно бедна цитатами. Лишь у очень немногих из знакомых ему писателей мог Мелье почерпнуть аргументы в пользу коммунизма. Сенека, Овидий, Паскаль и Деяния Апостолов—вот вся литература, которой он здесь пользуется Ему мало чисто теоретических доказательств Он ищет исторических примеров и находит их в описании мифического „золотого века" классически литературы. Представление о золотом веке, с которого начинается человеческая история, о золотом веке, в котором люди жили, не нуждаясь ни в чем, не зная ни частной собственности, ни власти,—мы находим у всех почти греческих и римских поэтов, начиная с Гесиода и кончая Виргилием, Овидием, Горацием, Тибуллом и др Трудно сказать, верит ли сам Мелье в то, что это действительная история, или, не веря, просто пользуется легендой, как иллюстрацией к собственным рассуждениям Писатели XVIII в., вообще, поражают своим легковерием по отношению к историческим легендам, легковерием, которое как-то странно сочетается с крайним скептицизмом по отношению к легендам религиозным. Такую же смесь легковерия со скептицизмом находим мы у Мелье. Странно,

можно сказать, придирчиво критикуя христианскую легенду, он целиком остается на почве чисто легендарной истории. Тем не менее, в данном случае он, кажется, не относится к „золотому веку“ вполне серьезно. Слишком быстро проходит он мимо этого мифа, не прибавляя от себя ни одного слова к цитатам из Сенеки и Овидия. При своей начитанности в классической литературе цитат он мог бы привести несравненно больше. Вообще, если бы он придавал серьезное значение „золотому веку“, то эта идея должна бы занять центральное место в его философии истории, какое она занимает, напр., у Руссо или Мабли. Ничего подобного у Мелье мы не находим. Его идеал—впереди. Наоборот, прошлое он склонен рисовать, как мы увидим ниже, в довольно мрачных красках.

С большим вниманием останавливается Мелье на рассказе Деяний о первых временах христианства. И это опять таки связывает его с народным коммунизмом средневековья. Повидимому, говорит он, христианская религия в начале своего существования стремилась к осуществлению идеала коммунизма, как лучшей формы общежития. Видно это не только из того, что она проповедывала принципы равенства и братства, но и из того, как жили первые христиане. Они отдавали все, что имели, в общее пользование, и среди них не было бедных. Они изгнали понятие о личной собственности: если у кого-либо из них была земля, дом или иное имущество, то он продавал все и деньги приносил апостолам, которые распределяли их между всеми, сообразно потребностям каждого. Но эта общность недолго среди них просуществовала; жадность скоро проникла в их сердца и разделила их, вернув в прежнее состояние. Тем не менее, чтобы не уничтожать совершенно самый главный член своего символа веры, который они должны были бы охранять больше всех прочих, они его оставили, придав ему совершенно извращенный смысл. Они

связали слово communion [1]) с воображаемыми духовными благами, с одним из своих таинств и таким путем обошли главное положение своей религии. Это сделали, наверное, те из первых христиан, которые занимали среди них почетные места и больше других поживились на счет общего имущества

Не ограничиваясь прошлым, Мелье старается и в современности найти примеры применения коммунистического принципа. И находит, хотя нельзя назвать эту находку особенно удачной В настоящее время, говорит он, общность имуществ сохранили одни монахи; как люди благоразумные, они поняли значение коммунизма И посмотрите, каковы результаты. Они ни в чем не нуждаются, их дома похожи на дворцы королей, их сады—земной рай, двор—полная чаша Если бы они вздумали уничтожить общность имуществ и разделили их между собою, то каждый из них в отдельности стал бы доступен, как и все прочие люди, всем неудобствам и бедствиям жизни.

Приводя этот пример, Мелье не замечает, что он противоречит самому себе Ведь раньше, говоря о монахах, он указывал, как на причину их благосостояния, на эксплоатацию ими народного труда Они—тунеядцы, живущие на общественный счет. И если им, действительно, выгоднее эксплоатировать народ сообща, а не порознь, то это не аргумент в пользу коммунизма.

Один из историков французского социализма XVII—XVIII в в.—Гуго—высказывает предположение, даже уверенность, что Мелье был хорошо знаком с крестьянскими коммунами (communautes agricoles) и вдохновлялся этим образцом при построении своей идеальной общины [2]) Единственно, чем подкреплено это предпо

[1]) Commun—общий, communion—причастие

[2]) *Бернштейн*, *Гуго*, *Каутский* и др, Предшественники новейшего социализма, русск перевод, II, 342 Вслед за Гуго

ложение—это указание Гуго на существование коммун в Шампани в начале XVIII в. Откуда заимствовано это указание, Гуго не говорит. Между тем противоречит тексту „Завещания“. Мелье говорит ясно и определенно: „если у приходов или у свет. общин осталась некоторая часть имуществ в об. владении, то это такая мелочь, о которой не сто. говорить“. Очевидно, ему известны лишь остатки щинного землевладения, сохранявшиеся почти по. местно до его времени, а тех коммун, о которых г. рит Гуго, он вовсе не знает. У социалистически склонных к социализму писателей XVIII в. мы ч. всего встречаем описания овернских коммун. Есть . вания на то, что такие же ассоциации встречали. кое где в других местах. Но относительно Шампани не встретили в литературе ни одного указания. же их не было в Шампани, то нет ничего удивит ного в том, что Мелье о них не знает, так как в ворили о них значительно позже. Да и по существу далеко не так соответствуют идеалу Мелье, как м. подумать на основании слов Гуго. Это были сел. хозяйственные кооперации с довольно последоватед. проведенной общностью имуществ, но и с эксплоатаі наемного труда. Впрочем, в XVIII в. они находил уже в процессе постепенного разложения.

Гораздо более удивительно, что у Мелье отсутст. фигура „доброго дикаря“. Идеализация дикарей, г. ным образом американских, не знающих частной ственности, не понимающих слов „мое“ и „твое“, чинается как раз с первых десятилетий XVIII в. „I говоры между дикарем и бароном де ла Гонтан“ Гедь появились в 1704 г., сочинение Лафито о нравах . риканских дикарей в 1724 г. Наибольшая роль в по

ту же мысль защищает С. Н. Прокопович в . интере. книге „. . . . . социализма“.

ляризации дикаря принадлежала в этот период отцам-иезуитам. А Мелье если верить данным Р. Шорля, и во время деревенской жизни сохранял связи с некоторыми кругами завязавшиеся, вероятно, еще в семинарии.

И быт дикарей, и, в особенности идеальная . . . Парагвая в иезуитском изображении могли . . . жить для Мелье гораздо более подходящими примерами, чем процветание монастырей. Если он не упоминает ни о том, ни о другом, то, повидимому, лишь потому что идеализация дикаря, как и легенда о „золотом веке“ в прошлом, плохо вязалась с его общими философско-историческими взглядами. Но об этом придется еще говорить ниже.

Источник отрицательного отношения Мелье к частной собственности мы склонны видеть как уже было сказано, в пролетаризации и пауперизации крестьянства, особенно резко и болезненно чувствовавшихся на рубеже XVII и XVIII вв. Отрицание частной собственности, конечно, уже само по-себе предрасполагает к признанию коммунистического принципа, как ее логической противоположности. Остатки общинного землевладения, в связи с элементами общинного самоуправления, должны были толкать мысль Мелье в том же направлении. Недаром община - приход является у Мелье основной ячейкой коммунистического строя. Но все-таки вряд ли он мог бы дойти самостоятельно до строго последовательного коммунизма, не будь у него под руками уже готовых коммунистических формул. Эти формулы, известные ему со школьных лет (из классической и особенно из христианской литературы), теперь превратились, под действием болезненных впечатлений жизни, в боевые лозунги, получили вновь значение живого идеала. В этом смысле влияние „золотого века“ классиков не следует игнорировать.

Что касается современной ему социалистической литературы, то Мелье ее, кажется, вовсе не знает. Самым

распространенным способом пропаганды социалистических идей были в начале XVIII в фантастические романы. Некоторые из них, напр., „Histoire des Sevarambes" Верраса, по мелочной разрисовке государства будущего могут быть сопоставлены с современными утопиями в роде известного романа Беллами. Наоборот, у Мелье детали коммунистического строя, организации производства и распределения намечены только слегка. Никакого влияния романов в „Завещании" незаметно. Ни об одном из них, если не считать „Телемака", Мелье ни разу не упоминает. Помимо книг толчок развитию мысли Мелье в коммунистическом направлении могло дать общение с иезуитскими кругами. Среди этих людей, прошедших, как и Мелье, семинарскую школу, воспитанных на изучении классических писателей и Нового Завета, симпатии к коммунизму были в начале XVIII в. распространены довольно широко. Известно, как разрисовывали отцы-миссионеры коммунистический быт американских дикарей в противовес индивидуалистическим порядкам своей родины. Отцы не в Америке, конечно, сознали несовершенства общественного строя Европы, не в Америке научились ценить преимущества общности благ земных. Наоборот, именно те симпатии, с которыми они приезжали из Европы, определяли их описания быта и нравов дикарей. Их дикари носят на себе слишком явственные следы обработки в своеобразном христианско-коммунистическом духе. Недаром они сопоставляют своих героев с первыми христианами. Добрый дикарь — это лишь удобная форма для пропаганды вполне определенного идеала. С людьми такого направления мысли Мелье, несомненно, должен был сталкиваться. Конечно, коммунизм иезуитов носил известный реакционный оттенок, он прикрывал собою тяготение назад, к старым формам общественного быта со строгой иерархией, неравенством и покорностью подвластных, управляемых просвещенной церковью. У Мелье коммунизм от это-

уклона совершенно свободен. Но во всяком случае общение с иезуитской средой легко могло натолкнуть Мелье на круг коммунистических идей Система же, в какую сложились эти идеи в его голове, разумеется, весьма далека от системы иезуитов.

Заканчивая рассмотрение социалистических идей Мелье, отметим еще один интересный факт:- чрезвычайное слабое влияние естественного права, как особой теории, как особой формы выражения социального и политического идеала. Теория естественного права, унаследованная от политических писателей XVII в., составляла одну из характернейших черт почти всех общественных учений XVIII в. В основе этой теории лежит представление о человеке вообще,— человеке свободном от всего того, что ему дали прогресс культуры и развитие общественных учреждений У такого отвлеченного человека есть известные наклонности и потребности И с этими потребностями, данными самой природой, неизбежно связано право на их удовлетворение Оно присуще человеку вне всякой зависимости от постановлений писаного права, его оправдание и обоснование в самой природе человека. Так получается наряду с системой писаного права система права естественного. Первое может согласоваться со вторым, может и не согласоваться.

Понятие естественного, как соответствующего человеческим потребностям, очень близко понятию справедливого и легко с ним отождествляется. Тогда естественное право получает значение справедливого права, правового идеала, „естественный“ порядок приравнивается идеальному порядку. Само собою разумеется, что содержание, вкладываемое в эти формы, может быть в высшей степени разнообразным в зависимости от того, какие свойства признать в человеке естественными Последний этап в развитии теории состоит в том, что естественный порядок, сохраняя свои черты идеала, находит себе место в истории человеческого общества, и сообразно

с первоначальным значением слова „естественный“ закрепляется, как ее исходный пункт, как нечто пр шествующее организации общественного союза. Так образом, естественное состояние противопоставляется стоянию общественному, а естественный человек человека, вообще, превращается в первобытного челове в дикаря.

Теория естественного права была очень удобна д борьбы с установившимися, традиционными отношениям как политическими, так и социальными Но в этих пр делах она годилась для самых разнообразных целей Стоило допустить, что естественный порядок - неогра ниченное господство частной собственности и полна свобода экономической деятельности,— и она превраща лась в апологию буржуазного строя, в критику всевоз можных монополий и стеснений промышленного труда столь распространенных при старом порядке. Наоборот представим себе естественный порядок в виде отсутстви частной собственности, общности земли, всеобщего ра венства, и мы получим теорию, если не социалисти ческую, то во всяком случае враждебную общественном неравенству, неизбежному результату того же буржуаз ного строя. При чрезвычайной широте и неопределен ности понятия „естественный человек“ и то, и друг допущение одинаково возможно. И, действительно, XVIII в мы можем наблюдать оба эти направления Наиболее видные представители первого—физиократы группа писателей экономистов, выступивших в середин XVIII в, первых провозвестников буржуазной полити ческой экономии. Ко второму принадлежали, как после довательные демократы школы Руссо, так и крупней шие социалистические мыслители XVIII в.- Мабли и Морелли

У Мелье выражение „естественное право“ встречается Самая идея ему, следовательно знакома. Нормой есте ственного права он признает равенство людей, их

равное право на пользование всеми благами природы. Но естественное право остается у него как бы внешней формой, совершенно несросшейся с содержанием его учения. Моральные доводы, — о справедливости того или иного общественного явления, — для него важнее, чем доводы естественно-правовые.

IV

Итак, весь общественный строй пропитан несправедливостью. Как-будто две разные расы людей живут в обществе. Одна ничего не делает, наслаждается и повелевает, другая трудится, страдает и повинуется. И первых несравненно меньше, чем вторых. Каким же образом держится эта явная несправедливость? Каким образом меньшинство ухитряется властвовать над большинством и эксплуатировать его? Почему угнетенные терпят и повинуются?

Само собою разумеется, что сильные мира пользуются для поддержания выгодного им порядка прямым насилием [1]). Пример такого насилия представляет собой существующая государственная организация. Что делают короли для поддержания своей власти? Они накидывают на страну сеть чиновников: интендантов, губернаторов и т. п., которые обязаны блюсти королевские интересы. Всякий, кто осмелится сопротивляться королевской власти, кто осмелится даже противоречить открыто ее повелениям, подвергается риску быть схваченным этими чиновниками и погибнуть.

Но такие средства не имели бы большого значения, если бы народы, одураченные хитрой ложью, не подставляли добровольно свои шеи под ярмо, налагаемое сильными и богатыми. Эта ложь — заблуждения и предрассудки, об'единяемые в одно целое под названием

религии. Сильные люди—хитрые и ловкие полити-. Злоупотребляя легковерием и невежеством масс, о легко убеждают их во всем, в чем только захотят затем заставляют принять с покорностью и уважени свои законы. *Истинный источник всех бедствий, вс недостатков человеческого общества—в тесном сою двух видов лжецов: духовенства и светских правит лей.* Первые—духовенство—заставили себя почитать, к людей исключительной святости, как божественных п сланников открывающих волю божества прочим люд вторые—светские властители—при помощи первых заст вили признать свои законы священными и неприкосн венными, как бы данными самим Богом, открыто по чинили себе подобных. Отсюда все предрассудки, забл ждения, ложные божества и идолопоклонство, распр страненные по всей земле. Здесь происхождение того, чт людей заставляют благочестиво называть религией. Н этом союзе основывается власть королей, которые угн тают народ под предлогом управления, которые граб народ, прикрываясь общественным благом, которые тр буют повиновения и уважения, мотивируя эти требова ния тем, что они получили свою власть от высше г божества. На нем же основывается власть знати дворян—этих хищных волков, которые унижают нар и отнимают у него все, что только у него есть лучшее Наконец, на нем же основывается и так называема духовная власть клира. Служители религии под предл гом, что они доставляют людям духовные блага боже ственной милости, отнимают у них несравненно более реальные блага; под предлогом, что они ведут людей небу и заботятся об их вечном спасении, они мешают лю дям пользоваться счастьем здесь на земле. Они будто бы желают гарантировать людей от воображаемых мук несуществующего ада, и в то же время заставляют их в этой жизни, единственно реальной, испытывать стра дания действительного ада. *Будущая жизнь это—только*

редство держать людей в страхе и, вместе с тем, не давать им приходить в отчаяние

Иному может показаться, что религия и политика не могут приспособиться друг к другу. Религиозная кротость должна осуждать жестокость и несправедливость тирании; с другой стороны, мудрая политика должна бороться с предрассудками религии. Это должно было бы быть, но этого нет в действительности. Заключив свой союз, они уживаются великолепно, несмотря на видимую противоположность своих принципов: это—как бы два мошенника, помогающих друг другу. Религия поддерживает правительство, хуже которого не может быть; правительство поддерживает религию, глупее которой не может быть. Духовные приказывают повиноваться властям, как поставленным от Бога, под страхом проклятия и вечного осуждения. Светские властители заставляют относиться к духовным с почтением, обеспечивают им хорошие доходы и поддерживают предрассудки, которые проповедуют священники под видом религии и культа божества. И народы стонут под этим двойным тяжелым и унизительным ярмом—под ярмом несправедливости и заблуждения.

Вы, может быть, думаете, дорогие друзья,—обращается Мелье к своим читателям,—что я исключаю из числа ложных религий ту, которую мы исповедуем. Ведь, она будто бы заключает в себе чистую истину, почитает истинного бога, ведет людей к вечному спасению. Нет, надо разочароваться во всем, во что заставляют верить слепые невежды или своекорыстные обманщики. Вы не менее обмануты, чем другие. Ваша религия не менее пуста и суеверна, чем любая другая, она не менее ложна в своих основах, не менее смешна в своих учениях и правилах. Вы не меньшие идолопоклонники, чем те, кого вы с презрением называете идолопоклонниками. Все, что вам рассказывают ваши учителя о величии и святости таинств, о достоверности

их воображаемых чудес, о небесных наградах и в мучениях,—все это ложь и лицемерие. Все это мано хитрыми политиками, обманщиками и лицем и поддерживается сильными мира и властителями, рым выгодно держать народ в узде при помощи рассудков и делать с ним все, что им угодно. А по своему неведению слепо верят и повинуется М тем, так легко понять, в чем тут дело. Ведь им христианская религия оправдывает и санкциониру злоупотребления существующего строя. Если бы была истинной религией, она должна была бы пор и проклинать его несправедливость.

Бесконечно мудрый, добрый и справедливый Б может поддерживать такое вопиющее зло, как соц ное неравенство или как тирания королей [1]). А и ставители Бога на земле папы, епископы, проп ники не только не защищают народа, но, наоб являются самыми наглыми льстецами тиранов. Они гремят на своих кафедрах против малейших пор которые они находят у народа, и они немеют (il des chiens muets), когда видят невероятные пор злодеяния королей. Они учат, что короли постав Богом, что тот, кто им противится, - противится Бож повелению. Они молятся ежедневно за жизнь тир как будто для народа это очень важно: они молят успехи их войск, а в случае победы устраивают жественные процессии, поют Te Deum, благодаря за те убийства и опустошения, которые удалось со шить. Так как они знают, что тиранам вечно п дится бояться за свою жизнь, то, чтобы достави удовольствие и уменьшить в то же время грозящ опасность, они торжественно заявляют, что убі тирана—грех, что учение, оправдывающее тирано ство ересь. Воистину, нужно быть слепым, чт б

понимать, что эта религия ложна, как и всякая другая), дорогие друзья, — восклицает Мелье,- если бы вы знали, какой лжи вас учат под видом религии, как недостойно и несправедливо пользуются властью под видом управления, вы почувствовали бы презрение ко всему тому, что вы почитаете, вы почувствовали бы ненависть и негодование к тем, кто вами управляет. Один человек, необразованный и невоспитанный, но ясно сознававший всю несправедливость существующего, выразил как-то пожелание, чтобы все великие и знатные были удушены кишками священников Это выражение очень грубо, но оно наивно и откровенно, коротко и ярко. Они, действительно, заслуживает этого наказания

Если мы попытаемся кратко формулировать отношение Мелье к религии, то получим такой ряд мыслей. Религия, как совокупность догматов и правил, есть заблуждение и предрассудок; но это еще не так важно; гораздо хуже то, что религия есть самое сильное орудие поддержания существующего общественного порядка. Оправдывая несправедливость реальной земной жизни и возбуждая ложные надежды на будущую небесную жизнь, она внушает чувства покорности и смирения угнетенным; играя эту позорную роль, религия так тесно сплелась с основами существующего порядка, что отделить их невозможно; они живут одною жизнью и вместе должны погибнуть.

Невольно напрашивается сопоставление Мелье с ядовитейшим буржуазным критиком религии Вольтером. Вольтер вполне согласился бы с тем, что существующая религия—предрассудок Он признал бы также, что религия — сильнейшая опора существующего строя Но вывод он, как известно, делал диаметрально противоположный. То, что для Мелье, как социалиста было наиболее отвратительно, Вольтер, наоборот, признавал весьма полезным Государство, по мнению Вольтера, не может

существовать без религии. Если бы Бэйлю[1]) пришлось управлять пятьюстами селян, говорит он, — то Бейль непременно начал бы им проповедовать учение о воздающем боге. Без религии общественный порядок погибнет. А так как этот общественный порядок Вольтеру при всех его частных недостатках, все же дорог, то он и приходит к известному выводу: если бы Бога не существовало, его пришлось бы выдумать.

Взгляд на религию, как на средство держать массы в покорности, очень распространен среди писателей социалистов. И объективные причины такого отношения к религии вполне понятны. Роль господствующих церквей, как пособниц государственной власти, положение, занятое ими в социальной борьбе, словом, все то, о чем говорил еще Мелье, его достаточно объясняют. Но трудно найти другого писателя, у которого борьба против религии носила бы такой страстный и злобный характер, как у Мелье. В его злобных нападках чувствуется личное страдание. Это и неудивительно. Ведь всю жизнь ему приходилось проповедывать то, что он объявлял теперь в торжественной предсмертной исповеди ложью и лицемерием. И, надо думать, долго ему приходилось лгать и лицемерить, не в последние дни жизни потерял он веру в то, что должен был официально защищать. Какую муку вынес этот человек, такой прямой и нравственно-чуткий по своей натуре! С настроением кающегося грешника приступал он к своей исповеди — „Завещанию". Ложь религии — это не был для него чей то чужой грех: нет, это его собственная тяжкая вина. Страстное покаяние — вот что скрывается у него под страстным обличением.

Итак, религия и существующий строй общественных отношений тесно связаны как в настоящем, так и в самом своем происхождении. Как же мы должны пред-

[1]) Писатель XVIII в., противник религии и церкви.

ставить себе конкретно процесс возникновения религии? И прежде всего, что было до ее появления? Мелье нигде не дает определенного ответа на этот вопрос. Но у него есть любопытное биологическое положение, из которого можно сделать соответствующий социологический вывод.

Производительная сила природы чрезвычайно велика [1]: новые растения, новые поколения людей и животных непрерывно появляются и наполняют землю. Если бы в мире не было зла,—говорит Мелье,—не было смерти и болезни, если бы люди и животные не вредили друг другу, то они размножились бы до невероятных размеров. Земля не могла бы дать им достаточно питания, и они вынуждены были бы умирать от голода. Таким образом Мелье признает неизбежность борьбы за существование в животном мире. Но, если так, то и первобытное состояние должно бы ему представляться в виде bellum omnium contra omnes (войны всех против всех). Его невнимание к идее первобытного коммунизма, золотого века, его равнодушие к идеализации дикаря — как будто тоже говорят в пользу этого предположения. Правда, это так непохоже на социалистов XVIII в. (напр., Морелли, Мабли) не признавать коммунизма в прошлом, в естественном состоянии. Но это вовсе не так неожиданно. Мелье хорошо знает римского поэта Лукреция и питает большую симпатию к его материалистической философии. Между тем, Лукреций решительно отрицает идею золотого века и представляет первобытного человека грубым и жестоким животным. К сожалению, мы можем лишь строить предположения. Сам Мелье совершенно игнорирует идею естественного состояния, как игнорирует и другую идею, еще более популярную в XVIII в., — идею происхождения государства из общественного договора.

[1] Testament, III, 366

Вернемся к тому, что у Мелье есть. Первые религиозные представления людей имеют своим источником невежество. Древние, напр., верили в то, что люди, чем либо отличившиеся при жизни, после смерти становятся богами. Они верили и во многие другие нелепости. И пока это были только суеверия, неимеющие серьезного значения. Затем из общей массы выделились люди умные, честолюбивые, жадные к богатству. Заметив, как прочие люди легковерны, они вздумали воспользоваться их легковерием для корыстных целей. Выдавая себя за богов или за посланников богов, они заставили людей повиноваться своим приказаниям, как велениям божества, и приобрели таким способом власть, а вместе с нею—почет и богатство.

Весь этот экскурс в прошлое, разумеется, в высшей степени наивен и фантастичен. Зато в своих рассуждениях о настоящем и возможном будущем Мелье больший реалист, чем многие социалисты XIX в., не говоря уже о его современниках. Он прекрасно понимает, что *поведение различных общественных групп зависит от их интересов*, что одни слои обществ уже по самому своему положению являются защитниками существующего порядка, а другие естественными его противниками.

Нет никого, говорит он, кто бы решился выступить на борьбу со злом: одни не хотят, другие не могут. О королях и знати говорить нечего — они сами носители этого зла. Но разве захотят бороться с несправедливостью те люди, которые занимают какие-либо светские или духовные должности? Ведь, от расположения князей зависит их благосостояние, а всякий больше думает о своем благе, чем о благе общественном. Конечно, они скорее будут льстить князьям, чем противоречить им. На этой несправедливости, на лжи и суеверии религии основывается тот почет, которымъ они пользуются, основывается их власть, да и крупные доходы в придачу.

Не станут бороться и богатые скупцы, ибо, благодаря покровительству власти, имеют они свои ростовщические доходы. Наконец, не станут бороться все те, кто любит сладкую жизнь, ее удобства и удовольствия, ибо борьба связана с мучениями и преследованиями. Тем же страхом преследований объясняется молчание людей умных и просвещенных, знающих всю пустоту религии и всю несправедливость законов, но нерешающихся итти на верную гибель.

Таковы те группы людей, которые *не хотят* бороться со злом. Нет сомнения, что сами они суеверия вовсе не разделяют. Они очень пренебрежительно относятся к заповедям и к обрядам религии, они исключительно заботятся о благах земной жизни, нисколько не думая о небесных наградах и нисколько не боясь адских мучений. Все это предназначено для других. Теперь перейдем к тем, кто *не может* бороться. Это — бедные люди, выносящие на плечах все бремя существующего порядка. Почему же они терпят? Во-первых, потому, что они *невежественны*. Они не могут распутать сеть заблуждений, в которой их умышленно держат. Живя в вечной нищете, в вечном тяжелом труде, не получая никакого образования, они почти совершенно неспособны понять, что их бедственное положение противоречит правам человека. Во-вторых, они терпят потому, что они *разрознены*, между ними нет солидарности. А в деле такой важности, как борьба с угнетателями, необходимы взаимное доверие и сплоченность.

Положение получается, как будто безвыходное. Только сами угнетенные могут захотеть бороться со злом, а, между тем, условия их жизни таковы, что не только не вырабатывают в них способности к борьбе, но, наоборот, создают для этой борьбы неодолимые преграды. И, действительно, у Мелье нет-нет, да и зазвучит пессимистическая нотка, особенно в конце „Завещания", где он прощается с миром. Но в общем все же примириться с

тем, что люди зашли в какой то ужасный тупик, Ме... не может Слишком сильна в нем вера в человека и в силу его разума Анализ реальных отношений дал ... чальный результат (для начала XVIII в весьма близки к истине: для осуществления идеала Мелье, действительно, не было данных во Франции его времени Представления о том, что сами эти реальные отношения изменяются в процессе истории, у Мелье нет Идеи эволюции ему совершенно чужда. Чтобы спасти веру в будущее человечества, оставалось, следовательно, одно пожертвовать предшествующим анализом, отказаться от реализма во имя рационализма, не смущаясь возникающими противоречиями. Реализм завел Мелье в тупик рационализм его оттуда выводит

Если главную опору существующего строя составляет невежество, то в эту сторону и должны быть направлены все усилия. Но кто же займется просвещением масс? Сам народ не может выпутаться из сети заблуждений без посторонней помощи, —приходится возложить все надежды на просвещенных людей. Мелье как-будто забывает, что он говорил о них раньше и категорически заявляет: *они должны* Если они не осмелятся в виду грозящего им наказания, сказать истину при жизни, то они могут засвидетельствовать ее, как он, перед смертью Мелье не рассчитывает на то, что таких людей найдется много Он хорошо знает, что люди образованные в большинстве случаев являются прислужниками сильных, что они льстят правителям и оправдывают их беззакония [1] Он хорошо знает и то, что книги враждебные религии и государству, не доходят до народа, что народу дают лишь книги благочестивых невежд и лицемерных обманщиков И все же он верит в торжество спр...дливости ибо верит во всепобеждающую силу истины

Слишком долго народы терпели, пора им узнать правду. Необходимо просветить народ, освободить его от власти заблуждений, внушить ему ненависть и презрение к сильным мира, побудить его сбросить тяжелое ярмо тирании. Две вещи следует проповедывать. Во-первых, для того, чтобы приобрести знания, полезные для общества, необходимо следовать единственно свету человеческого разума. Во-вторых, для того, чтобы установить хорошие законы, необходимо следовать единственно правилам справедливости и естественного равенства.

Допустим, что истина восторжествовала, что народ освободился от религии. Как представляет себе Мелье дальнейший ход дела?

Прежде всего нужно заметить, что освобождение от христианства для Мелье — не только умственное, но и нравственное освобождение человека. Христианская мораль служит той же цели порабощения добрых злыми. Прославлением страданий, признанием любви к страданиям за добродетель и осуждением естественных влечений физической природы человека,—этими двумя положениями она как бы советует терпеливо сносить голод и холод, угнетение и унижение. Стремиться к благам жизни, бороться за них — грех; покоряться своей несчастной участи — добродетель. Но хуже всего — повеление любить своих врагов и делать им добро. Это правило явно покровительствует злым и содействует угнетению добрых. Оно противоречит естественному праву, здравому рассудку, справедливости. Вполне естественно ненавидеть зло и защищаться от несправедливости. Проповедывать такие правила морали значит связывать руки добрым и давать полную свободу злым. Только освободившись от этой морали, угнетенные поймут, что они имеют право стремиться к счастью здесь, на земле, что они имеют право бороться за это счастье. А лишь борьба и может их освободить.

Первое условие успешной борьбы единодушие, солидарность. „Об'единяйтесь же, народы!“ восклицает Мелье. Если все народы, все города и провинции хорошо сговорятся, если они составят общий заговор для освобождения от общего рабства, то тираны будут скоро уничтожены „Помогайте друг другу: дело идет о том, что одинаково важно для всех народов. Вас губит то, что вы сражаетесь друг против друга вместо того, чтобы сражаться в одних рядах за общее дело Вы должны последовать примеру храбрых голландцев и швейцарцев: у вас не меньше поводов к восстанию“ [1]) „Все зависит от народа, все держится на нем. Стоит ему захотеть, и тирания падет Все угнетатели живут на продукты народного трудa: и не только они, но и все, кто им служит Если бы народ не поддерживал князей и их прислужников, то они были бы такими же слабыми и незначительными людьми, как и все прочие У знатных не было бы больше богатств, чем у вас, если бы вы не давали им своего богатства; у них не было бы больше власти, чем у вас, если бы вы не хотели подчиняться их законам Ваши дети, ваши родные, ваши друзья служат тиранам; без них и без вас они не могли бы обойтись“. „Они пользуются вашими силами против вас же самих“ [2])

Что касается способов борьбы, то Мелье считает законным всякий акт, направленный против тиранов, вплоть до тираноубийства Иногда у него прорываются прямо кровожадные ноты. „Я хотел бы обладать силой Геркулеса, чтобы истребить эти чудовища несправедливости Ведь, предают суровым наказаниям разбойников, которые грабят на большой дороге . А духовенство, князья и сильные мира заслуживают еще больших на-

[1]) Мелье имеет [illegible].
[2]) Testament, III 391

казаний, это самые злые воры и самые худшие убийцы".

В древности говорили, что старых тиранов не бывает. Люди не были тогда так слабы, чтобы позволять тиранам долго жить и царствовать. Теперь не то. Люди нечувствительно привыкли к рабству, им кажется, что рабство их естественное состояние. Поэтому-то гордость тиранов все возрастает, их власть становится все невыносимее. Их несправедливость и злоба возрастают вместе с их благополучием. „Где благородные тираноубийцы минувших времен? Где Брут и Кассий? Где убийцы Калигулы?. Нет у нас более Жаков Клеман и Равальяков,—нет этих великих людей, этих благородных душ, которые шли на смерть за счастье своей родины, которые доблестную гибель предпочитали позорной жизни".

Как видим, Мелье оправдывает тираноубийство и с точки зрения справедливости, и с точки зрения целесообразности. Историк политических идей французского католицизма эпохи реформации Лабитт не совсем прав, когда говорит, что идеи католиков монархомахов не были восприняты восемнадцатым веком ни с своей религиозной, ни с политической стороны [1]). Скорее именно их идеи, в частности идеи проповедника Лиги Буше, а не идеи протестантов монархомахов отразились в той апологии тираноубийства, которую мы только что цитировали. Познакомился ли Мелье с теориями монархомахов непосредственно или через руки воспринявших эти теории публицистов XVII в., сказать трудно. Наиболее сильный довод против первого предположения состоит в том, что Мелье ни разу не цитирует монархомахов, тогда как современники известны ему очень хорошо. В том же, что публицистика XVII в. была в сильнейшей

[illegible]

[1]) Клеман и Равальяк — убийцы королей Генриха III и Генриха IV, представители воинствующей католической партии, [illegible] реформации.

степени пропитана идеями монархомахов нет сомнения чтобы убедиться, достаточно просмотреть хотя бы только те отрывки из этой публицистики (Esprit de Mazarin Espion turc и т п.), которые приведены у Мелье. Но есть доводы и в пользу непосредственного влияния монархомахов Во-первых, в семинарии Мелье должен был познакомиться с историей французского проповедничества, а следовательно и с деятельностью Лиги [1]. Во вторых, весь изложенный нами отрывок „Завещания" удивительно напоминает памфлет проповедника Лиги Буше- De justa abdicatione Henrici tertii. И основная мысль этого памфлета та же, что у Мелье: всякое частное лицо имеет право, даже обязано убить тирана; и имя Жака Клемана невольно вызывает сопоставление Даже в деталях, в оборотах речи чувствуется сходство Если даже все эти совпадения считать случайными, то одно остается несомненным: восхваление героев Лиги, представление о Клемане и Равальяке, как о мучениках за счастье родины могло перейти к Мелье только от писателей Лиги

Наряду с тираноубийством Мелье признает возможной и бескровную борьбу. Истребление тиранов потеряет свое значение, когда народ сознает свое положение и необходимость из него выйти Народ может пожелать наказать тиранов за причиненные ими несправедливости; но победить их он может без пролития крови. Чтобы иссушить корни тирании, говорит Мелье, достаточно лишить их питательных соков, которые они извлекают из народного труда „Не давайте ничего гордым и бесполезным бездельникам, не давайте ничего монахам и духовенству, не давайте ничего дворянам, которые вас презирают не давайте ничего тиранам, которые вас угнетают. Пусть ваши дети, ваши родные и друзья перестанут им служить И вы увидите как эти люди завянут подобно

---

[1] Воинствующая католическая организация XVI века

траве, корни которой не получают соков из земли. Для этого необходимо только отлучить их совершенно от своего общества и смотреть на них, как на отлученных.

Эта идея пассивной революции — бойкота не менее удивительна в устах священника начала XVIII в., чем проповедь международного объединения угнетенных. Демократически-революционный дух, который проникает книгу Мелье, совершенно чужд социалистической и эгалитарной литературе XVIII в. Мысль о революции, как о средстве улучшить бедственное положение масс, не приходит в голову даже Руссо, этому общепризнанному теоретику демократии. Очевидно, обстановка нищей деревни создавала несколько иные настроения, чем обстановка парижских литературных кругов и парижских салонов. И именно этот демократически-революционный дух делает Мелье особенно близким нам. Конечно, у Мелье нет отчетливой формулировки идеи классовой борьбы, у него нет даже ясного представления о классовом строении общества. В этом отношении даже буржуазные экономисты XVIII в.—Кенэ и Тюрго,—дают больше. Но он сознает зависимость поведения различных общественных групп от их групповых интересов, он признает необходимость для достижения социального идеала *борьбы* угнетенных групп с угнетателями. Для него борьба—единственный возможный двигатель исторического процесса. Он не осуждает ее, как многие социалисты-утописты не только XVIII, но и XIX в.,—наоборот, он к ней призывает.

Эти-то точки соприкосновения Мелье с теорией классовой борьбы и привлекли к нему внимание социалистов конца XIX в.[1]) Но в XVIII в. социально-политические идеи Мелье не получили широкой известности, так как и Вольтер и другие издатели этой стороной „Завещания“

---

[1]) Гуго в „Предшественниках новейшего социализма“, Матез в „Revue socialiste“ t. VIII.

не интересовались. Время революционного социализма, социализма борьбы, а не мечты было еще очень далеко.

Насколько был забыт Мелье, как политический писатель, свидетельствует следующий факт. В эпоху Конвента один из решительнейших демократов — Анахарсис Клоотс предложил воздвигнуть статую Мелье. Но и сам Клоотс и принявший его предложение Конвент ценили в Мелье лишь его антирелигиозные идеи. Декрет Конвента мотивирован тем, что Мелье был первый священник, отказавшийся от религиозных заблуждений. Если бы Конвент имел представление о подлинном Мелье, то он должен был бы оценить по заслугам — конечно, не социализм Мелье, а хотя бы его вражду к тирании.

V.

Зная, какую роль отводит Мелье религии в своей социальной философии, мы теперь легко поймем, почему опровержение религии занимает такое место в его труде, почему этой задачей определяется самый план „Завещания".

Часть доводов, приводимых Мелье против христианства, мы уже рассмотрели. Эти доводы можно назвать социологическим и этическим. Всю остальную аргументацию приходится разделить на два отдела. Первый направлен специально против христианства и содержит в себе критику достоверности священных книг, критику христианской доктрины — учения о троичности, о грехопадении, об искуплении — и критику таинств. Второй отдел представляет собою опровержение учений, лежащих в основе всякой религии, — учения о Боге и о бессмертии души. Для нас наиболее интересен второй отдел, ибо, именно, здесь изложены наиболее полно философские взгляды Мелье. Попытаемся их выделить и по возможности систематизировать.

Богопоклонники утверждают, что сама природа заставляет их признать бытие единого бога, всемогущего

бесконечно доброго, бесконечно мудрого и совершенного. Им кажется, что великие, прекрасные и удивительные произведения природы могли быть созданы и приведены в порядок, в каком они находятся, только всемогущим существом, и притом бесконечно мудрым и бесконечно добрым. Но так как не существует такого материального и видимого существа, которому они могли бы приписать все эти совершенства, то им приходится создавать в своем воображении существо невидимое и нематериальное. Идея такого существа в соединении с идеей бесконечного совершенства и составляет идею бога.

Бог, таким образом, первая причина всего существующего. Но можно ли считать приведенное рассуждение за доказательство бытия божия? Если мы видим какое либо совершенное произведение искусства, то его совершенство, несомненно, доказывает существование создавшего его совершенного мастера, ибо мы прекрасно знаем, что оно не могло возникнуть само по себе. Но совершенство произведений природы никоим образом не доказывает существование какого либо иного мастера, кроме самой природы: она сама творит все, что мы находим столь прекрасным и удивительным. Рассуждение богопоклонников можно было бы продолжить так: бесконечное совершенство бога доказывает, что он сотворен другим бесконечно совершенным существом, а это существо в свою очередь — и т. д. до бесконечности. Конечно, это будет смешно и нелепо. Но тогда почему же совершенства мира доказывают, что он сотворен кем то другим? Одно не более доказательно, чем другое. Можно еще привести такой довод: бог есть то, что он есть сам по себе, и поэтому не нуждается в творце; природа же не может быть так, как она есть, сама по себе и потому должна быть сотворена всемогущим богом. Этот довод ничего не стоит. Во-первых, он предполагает доказанным то, что еще требует доказательства. Во вторых, одинаково легко сказать и про бога, и про природу, что все их

совершенства существуют независимо от чего-либо, вне их находящегося. Приходится только из этих двух предположений выбирать наиболее правдоподобное. И, конечно гораздо больше оснований приписать необходимое бытие бытие само по себе существу реальному, которое находится везде, а не существу воображаемому. Это ясно и очевидно.

К тому же гипотеза бога нисколько не помогает в об'яснении явлений природы. Если трудно представить что мир существует сам по себе, не имея творца, то еще труднее понять, как творец, называемый богом мог создать мир из ничего. Творение видимых вещей— не меньшая тайна, чем их естественное образование Если мы даже представим себе творца в виде существа материального, с чем богопоклонники, разумеется, не согласятся, то и тогда будет непонятно, каким образом такая-то определенная материя может создать другую материю. Почему одной части материи мы должны приписывать творческую силу, а другой—нет? Материя — это всегда материя. Может ли один атом создать другой? Или весь этот мир,—может ли он создать другой мир? Без сомнения, нет. Мы должны помнить, что создавать— значит творить из ничего. Одно материальное существо может произвести другое материальное существо посредством новой комбинации частей существующей материи но сотворить из ничего—не может. Возьмем теперь существо нематериальное Действовать—значит двигаться Но существо, которое не имеет ни тела, ни частей, не может двигаться. Раз оно не может двигаться, оно не может ничего делать, ничего создавать. Следовательно бог,—существо нематериальное, — не мог создать мир На это обыкновенно возражают, что духовная субстанция действует не движением своих частей, но духовно— разумом и волей. Но это уже пустые слова, не означающие ничего реального, их совершенно нельзя понять

Богопоклонники думают, что бог не только сотворил мир, но и непрерывно вмешивается в его жизнь. Ни одно тело,—говорят они,—не может двигаться само по себе, материя не имеет в себе движущей силы. Что же ее приводит в движение? По мнению богопоклонников—воля бога. Даже человеческое тело приводится в движение не волей человеческого духа, а волей божией. Ведь, для того, чтобы знать, как двинуть рукой, необходимо знать анатомию, знать, при помощи каких мускулов рука движется. Между тем, люди не знающие анатомии, движутся часто с гораздо большей ловкостью, чем знающие. Ясно, что один только бог, всезнающий и всемогущий, может привести в движение,—и, действительно, приводит в движение,—человеческое тело.

Вся эта теория основана на том допущении, что нематериальное существо может приводить в движение материю. Это совершенно невозможно. Чтобы каким-бы то ни было образом воздействовать на материю, необходимо ее толкать, к ней прикасаться. А то, что само не материя, что не имеет ни тела, ни частей, что само не может двигаться, никаким образом не может прикасаться к материи, следовательно, не может ее приводить в движение. Затем, чтобы прикасаться к материи, то что прикасается, должно быть само непроницаемо, как и материя. Духовная сущность не обладает непроницаемостью. Наконец, бог, по признанию его поклонников, совершенно неизменен в своей сущности, в своих намерениях, в своей воле. Такое неизменное существо не может быть причиной изменения, а всякое движение материи есть некоторое изменение, для об'яснения которого приходится допустить изменение в божественных намерениях и в божественной воле. Следовательно, если даже движение материи вызывается не прикосновением, а просто волей бога, то и тогда мы не в силах выбраться из противоречий. А это предположение уже само

по себе нелепо и непонятно. Словом, никакое вмешательство бога в жизнь материального мира—невозможно.

В связи с критикой учения о боге Мелье излагает свою собственную философию. Первый, не подлежащий никакому сомнению, принцип состоит в том, что мир существует реально. Это ясно и очевидно. Быть последовательным скептиком, сомневаться во всем, значит отказываться от света человеческого разума и становиться в противоречие с естественным чувством [1]). На такого человека, если только такие есть, нужно смотреть просто, как на сумасшедшего. Но их нет: всякий, каким бы скептиком он ни был, знает, что есть разница между удовольствием и страданием, между куском хлеба и простым булыжником. Пирронизм — скорее праздная игра ума, чем искреннее убеждение.

Итак, бытие существует. Но если оно существует, то оно и существовало вечно. Оно не могло когда-либо начать существовать. Оно не могло начать существовать само по себе, так как то, что не существует, не может себе дать существования. Оно не могло получить начало от другого бытия, так как, когда бытие не существовало, то не существовало никакое бытие. Это вечное бытие, бытие вообще, и есть сущность всех вещей, и ясно, что без него не могла бы существовать ни одна вещь.

Богопоклонники скажут, что это вечное бытие и есть их Бог, что материальное и чувственное бытие не вечно, что оно не могло бы существовать, если бы его не создал Бог. Против этого можно привести следующие доводы. Во-первых, предположение о существовании нематериальной субстанции—Бога произвольно и недоказуемо. Во-вторых, если бытие вечно, то вечность скорее можно приписать существу реальному, а не воображаемому. В-третьих, гипотеза творения материального мира

нематериальным существом страдает неустранимыми противоречиями. Наконец, бытие должно находиться во всех вещах, как их сущность, из него они возникли и к нему, в конце-концов, возвращаются. Материя и есть то, что находится во всех вещах, материя—единственно реальная сущность; следовательно, *бытие ест материя* [1]). Если так, то все, что было сказано о бытии, приложимо и к материи. *Материя вечна, ее существование не зависит ни от какого другого бытия, она—первопричина всего сущего.* Насколько теория, признающая божество, противоречива и неразумна, настолько эта теория проста, ясна и последовательна.

Материя делима; материя способна к движению и движется. В результате движения различных частей материи возникают новые их комбинации, новые вещи. Все в природе происходит по естественным законам движения материи, все об'ясняется различным сочетанием, конфигурацией и модификацией ее частей. Материя движется сама по себе; никакой внешней причины, вызывающей ее движение, не существует. Мелье признает, что не легко понять, в чем первая причина движения. Но, во всяком случае, отказываясь от попытки об'яснить движение из свойства самой материи, прибегая к содействию идеи Бога, мы попадаем в еще худшее положение. Смешно отвергать наиболее вероятное под тем предлогом, что мы не все понимаем, и заменять менее вероятным и еще более непонятным. Ни одного серьезного аргумента против того положения, что движение есть свойство самой материи, привести нельзя.

Основной принцип движения материи — стремление к прямолинейности, так как такое движение самое простое и естественное. Но пространство наполнено материей, и частица, движущаяся по прямой линии, встречает препятствия в своем движении, а потому вынуждена дви-

---

[1]) Testament, II, 324.

щаться по круговой (?) Так образуются вихри материи. Этой формой движения объясняется форма земли, солнца, луны и планет.

Влияние теории Декарта [1]) на это объяснение, в мнению, да Мелье и сам указывает на картезианцев как на своих учителей в этом отношении. Вероятно тем же влиянием объясняется, почему понятие атома, хорошо известное Мелье из Лукреция, так мало применяется. С другой стороны также несомненно знакомство Мелье с теорией Ньютона: о законе тяготения он не имеет никакого представления. Будь закон ему известен, всемирное тяготение заняло бы в его системе то место, которое в системе Лукреция занимает равномерное падение атомов: оно явилось бы в качестве первой причины движения. Но Мелье, как видели, отказывается его указать. Что теория Лукреция по своей крайней наивности была уже для него неприемлема, в этом нет ничего удивительного: при всей ограниченности своих познаний в физике и механике все же он человек XVII в., прошедший школу картезианства.

Если единственное реальное бытие — материя, то *человеческая душа*, которая, несомненно, реальна, которая дает движение и силу человеческому телу, в существовании которой никто не может сомневаться, — *тоже материя* [3]). Мы не можем представить себе реального существо, которое не имело бы тела и не занимало бы некоторого пространства. Это неудивительно, так как нельзя представить себе бытие, лишенное всех свойств бытия. Поэтому-то все древние философы утверждали, что душа материальна, и только новые провели между телом и духом какую-то грань. В чем же они видят между ними разницу? Ни мысль, ни желание ...

[1]) Французский философ XVII в.

[2]) Картезианцы — последователи Декарта.

[3]) Testament II 2..

ство не имеют протяжения, говорят они: они не круглы, не четырех угольны, их нельзя разрезать на части Из этого они заключают, что сама душа непротяженна. Так у них получаются две субстанции: одна протяженная — материя, другая только мыслящая—дух Жизнь души — мышление, жизнь тела—движение.

Так ли силен и неопровержим этот аргумент? Предположим, что мыслит и чувствует материя Из этого вовсе не следует, что мысль, как и материя, должна быть протяженной и делимой. Движение есть одна из модификаций материи; между тем, движение не есть само по себе нечто круглое или четырехугольное, движение нельзя разрезать на части Следовательно вовсе не все модификации материи протяженны. Модификации материи не могут обладать всеми свойствами материи. Если так, то и непротяженная мысль может быть модификацией материи Пойдем дальше. Сущность души мысль, жизнь души—мышление, говорят философы Но мысль это—действие души; как же она может быть сущностью души? Душа может существовать, не мысля. О чем мыслит душа ребенка во чреве матери? Он ничего не знает, так как ничего еще не ощущал. Естественно, что он не может ни о чем мыслить, а душой он, конечно, обладает

Представление о нематериальности души ни на чем не основано и противоречиво. Но и помимо этого против него можно привести целый ряд доводов Предполагая нематериальность души, мы встречаем целый ряд затруднений, вытекающих из необходимости об'яснить взаимодействие души и тела. Душа и тело, как две разные субстанции, должны иметь две разные жизни. На самом деле душа и тело образуют единое, живое существо Тесная связь между ними несомненна для всех философов Мы мыслим при помощи нашего мозга, видим при помощи глаз, чувствуем страдание или удовольствие всем своим телом Отнимите у нас все органы, и

что останется от нашей жизни? Где будут наши мысли наши страдания и наслаждения?—Конечно, их не будет вовсе. Различные модификации материи тела вызывают в душе те или иные мысли. Разве это возможно, если душа и тело различны по самой своей субстанции? Как может материальная субстанция действовать на духовную? И, наоборот, духовная на материальную? Все эти затруднения чувствуют защитники нематериальности души. И чтобы выйти из них, прибегают к гипотезе еще более непонятной, прибегают к тому, что всегда их выручает,—к Богу.

То, что мы называем душой, есть по мнению Мелье *лишь некоторое количество очень тонкой, легкой и подвижной материи* [1]; будучи смешана известным образом с более грубой материей, она образует органическое тело, которому своим непрерывным движением дает жизнь и чувствительность. Ближе проникнуть в ее природу очень трудно. Мышление происходит в материи нашего мозга. Но это не есть определенное количество материи, это — некоторое, свойственное ей внутреннее движение, некоторая модификация материи. Однако нельзя сказать, что живет и мыслит материя вообще. Нет, живет и мыслит человек, точно так же, как болеет и голодает человек, а не материя. Камень, кусок дерева или кукла не живут и не мыслят. Мыслить и чувствовать может лишь существо одушевленное, т. е., одаренное особой, дающей жизнь материей—душой.

Бессмертие души Мелье категорически отрицает. Прежде всего, душа способна к изменениям, меняются мысли, чувства, желания. А все, что может изменяться, доступно разрушению. Затем, невозможно себе представить, куда денется душа после смерти тела? И в чем будет состоять ее жизнь без тела? Предположить же, подобно Пифагору, что душа переселяется из одного тела в дру-

ное, совершенно нелепо: это безумные бредни, а не мудрость. Наконец, если душа материальна, то она должна разрушаться вместе с разрушением остальной материи тела. Так как эта материя особенно легкая и подвижная, то, вероятно, она, освободившись от тела, рассеивается в воздухе, подобно пару или подобно пламени тухнущей свечи.

Нетрудно догадаться, откуда заимствовал Мелье основы своей теории души. Тем более, что он посвящает даже отдельную главу цитатам из своего учителя. Этот учитель,—все тот же Лукреций. Из теории Лукреция Мелье удаляет лишь понятие атома. Душа—тонкая материя; ощущение и мышление — формы движения; мыслит не материя, а живой организм; после смерти душа исчезает подобно пару—все это взято у Лукреция в совершенно неизмененном виде. Только в постановке вопроса о взаимодействии души и тела чувствуются более новые, картезианские мотивы, а еще положение о чувственном происхождении познания непосредственно заимствовано у Монтэня.

Мелье приписывает мышление и чувствование тому же началу, которое дает и жизнь. Из этого необходимо вытекает признание одушевленности животных и растений, как живых организмов. Мелье готов допустить, что растения могут даже мыслить. Но особенно подробно останавливается он на душе животных, и опять-таки под влиянием картезианства. Не желая признать за животными права на обладание душой в спиритуалистическом смысле, и в то же время не допуская, чтобы сама материя могла чувствовать и мыслить, картезианцы приходят к совершенно абсурдному выводу, говорит Мелье. Животные, по их мнению, ничего не чувствуют; они [illegible] не испытывая удовольствия, кричат, не испытывая [illegible] желаний, ничего не боят[illegible]

Животныя не могут выражать своих чувств на яз... понятном для нас,—это правда Но из этого нельзя ...ключить, что они не имеют чувств. Идя таким пут... мы, пожалуй, в конце-концов, заявим, что ирокез... и японцы тоже лишь бездушные машины На самом деле животныя имеют свой естественный язык, они понимают друг друга, если принадлежат к одному виду ... зовут друг друга, отвечают друг другу. Мало того, ... них есть общественная жизнь Они знают друг друга и разговаривают между собою. И т. д., и т. д. И все ... делают бездушные машины? Предполагать это —чистейшее безумие, и сторонники таких взглядов заслуживают не опровержения, а насмешки.

Недаром Мелье так усердно занимается критикой этого пункта картезианской философии. Она важна для него не столько сама по себе, сколько, как сильный аргумент против спиритуализма. Мир животных — это позиция добровольно сданная Декартом материализму. Животныя по учению Декарта, не обладают душой, они—целиком материя. Стоит доказать, что они чувствуют. и получается неизбежный вывод: чувствует материя. Доказать же это не так трудно, и очень соблазнительно воспользоваться таким легким способом победить противника, обратив в свою пользу его же собственную аргументацию.

Ощущение есть некоторое специфическое движение материи. Но как же происходит, что это движение сознается, как ощущение? Мелье понимает возможность такого вопроса, но даже не пытается на него как-либо ответить, ссылаясь на непознаваемость процесса познания. Не следует удивляться, говорит он, что для нас остается непонятным, как такая-то и такая-то модификация материи вызывает в нас такое-то и такое-то ощущение [1] Наше познание приспособлено к познаванию

---

[1] Testament III 149, выражение весьма удачно... материалиста

внешнего мира, а не к познаванию самого себя Для пояснения своей мысли Мелье приводит такое сравнение. Глаз устроен так, чтобы им можно было видеть то, что находится вне его, но видеть самого себя он не может. Точно так же принцип познания не может быть доступен самому же познанию. Превращение модификации материи в ощущение и есть такой непознаваемый принцип познания. Мы совершенно не можем понять, каким образом в нас образуется какая-либо мысль. Самая маленькая наша мысль представляет собою поразительное и непостижимое явление Мы не можем понять ее возникновение, потому что она служит не для самопознания, а для познания других вещей.

Чтобы закончить изложенке философских идей „Завещания“, нам необходимо остановиться еще на аргументах, приводимых Мелье против бытия Божия. Эти аргументы тесно связаны с так называемыми доказательствами бытия Божия, помещаемыми во всех катехизисах. Понятно, что необходимость полемизировать со схоластиками заводит самого Мелье в дебри схоластики Мы за ним туда не последуем. Но один аргумент имеет самостоятельное значение и очень важен для понимания того процесса, который превратил христианского священника в воинствующего материалиста. Это—как бы связующее звено между чисто-философскими и социальными идеями Мелье.

В мире вообще, и в человеческой жизни в частности, царит зло, как физическое, так и нравственное: пороки, злоба, страдания и болезни, мучительная смерть. Невозможно допустить, чтобы всеблагой и всемогущий Бог, создавая мир, пожелал страданий для своего собственного творения. В таком случае, как же примирить эти, несомненно, существующие страдания с его благостью? Для разрешения этого противоречия богопоклонникам приходится прибегать к теориям, оправдывающим зло мира какими-то особенными целями Бога. Впрочем, иногда

они просто заявляют пус ь человек восхищается что он понимает и молчит по поводу того чего не понимает Основное положение всех оправдывающих теорий состоит в том что Бог терпит зло, что из него извлечь добро Melius putavit, говорит Августин de malis bona facere, quam nulla mala esse permittere. В чем же состоит то благо, которое извлекается из Зла—страдания Страдания посылаются Богом грешникам в наказание за грехи, а праведникам для испытания их добродетели. За страдания все будут вознаграждены в будущей жизни. Эти рассуждения, говорит Мелье, не имеют никакой цены. Ложно уже основное положение, ибо non sunt facienda mala ut eveniant bona. Всемогущий Бог мог бы дать людям все блага, не прибегая к помощи зла Вместо того, чтобы наказывать грешников страданием и таким путем приводить их к благу—исправлению, всемогущий Бог мог бы совсем уничтожить самый грех Почему богопоклонники говорят, что Бог гневается на грехи людей, если он сам творит это зло для высшего блага? Сверх того наказание не имеет смысла, так как в большинстве случаев страдания делают людей не лучше, но хуже Наконец, если даже допустить, что существуют какие-то блага будущей жизни, то и тогда нужно признать что эти блага вовсе не необходимо связаны с страданиями, как вознаграждение за них, но могли бы быть даны Богом и без предшествующих страданий И люди в глубине души никогда не могут примирить я с этой теорией, так как они всегда молят Бога об избавлении от страданий Если еще можно примириться со страданиями грешников то страдания людей невинных и добродетельных ничем не могут быть оправданы Тем более, что блага будущей жизни—пустейшая фантазия

Последний довод, приводимый богопоклонниками в оправдание зла состоит в том, что зло царящее в мире дает возможность проявиться во всей полноте справе...

ливости и милосердию Божию. Это возмущает Мелье. Что можно сказать о враче, который, чтобы показать свое искусство врачевания, начал бы распространять заразительные болезни? А такой довод приводит вполне серьезно апостол Павел в своем послании к римлянам.

Итак, все эти теории — софистика. Можно еще себе представить, что люди, не обладающие всемогуществом, прибегают иногда к злу, чтобы достигнуть блага, напр. к кровопусканию для излечения от болезни. Но Бог всемогущий и всеблагой не мог бы допустить в созданном им мире малейшего зла, тем более страдания невинных. Следовательно, *если существует зло, то нет Бога*[1].

Мы сказали, что видим в этом аргументе связующее звено между философскими и социальными идеями Мелье. Уже неоднократно нам приходилось указывать, что страдание оскорбленного нравственного чувства, ненависть к царящей в мире несправедливости составляют основной тон „Завещания“. Ближайший, непосредственный источник этого страдания—окружавшая Мелье жизненная среда: социальный и политический строй современной ему Франции. Против них и борется Мелье главным образом. Если бы он был менее цельным человеком и менее последовательным мыслителем, то, быть может, на этом бы и остановился. Но его мысль неуклонно продолжала работать в том же, раз данном, направлении. Религия покровительствует общественному неравенству, санкционирует зло—следовательно, она не может быть истиной. Надо пересмотреть ее принципы, воспринятые верой, с точки зрения человеческого разума. Бог терпит зло и несправедливость, Бог даже создал весь пропитанный несправедливостью мировой порядок,—само понятие Бога, как существа всесовершенного, рушится. Надо пересмотреть доказательства бытия Божия с той же точки зрения. И Мелье проделывает с

---

[1]) Testament III, 267—268.

помощью того философского багажа, какой у него имеет разрушительную критическую работу, как над христианством, так и над основными принципами всякой религии. Вместе с ними он отвергает и спиритуализм, так тесно с ними сросшийся, берущий их под свою философскую защиту.

Разрушив до основания свое официальное миросозерцание, Мелье неизбежно должен был притти к его противоположности—к материализму. Только эта система была совершенно свободна от всех тех фантомов, которые он отверг бесповоротно, только она отрицала до конца всякие религиозные представления. Следовательно только в ней могла заключаться для него чистая истина. Основы материалистической системы были перед ним в готовом виде—„О природе вещей" Лукреция. Влияние философской мысли древности чувствуется у Мелье на каждой странице. Оставалось лишь развить и переработать эти положения древнего материализма в духе картезианства, школу которого Мелье недаром прошел. Конечно, не в духе метафизики Декарта, а в духе его натурфилософии.

Среди французских мыслителей XVIII в. немало материалистов, немало решительных противников христианской церкви и религии вообще. Мелье один из самых ранних, но далеко не из самых крупных в их среде. Но большинство из них стоит всецело на почве буржуазного строя в своих социально-политических взглядах. Среди французских политических писателей XVIII в. немало социалистов. Некоторые из них создали системы гораздо более обстоятельные, чем система Мелье. Но большинство из них стоит всецело на почве самого грубого утопизма, совершенно не понимает ни движущих сил истории, ни способов осуществления социализма. Только у Мелье коммунизм и материализм сливаются в стройное и последовательное учение. Только у Мелье коммунизм сочетается не с морализирующим утопизмом

а с революционной идеей международной классовой борьбы. Это удивительное для XVIII в. соединение делает из бедного деревенского священника, принесшего себя в жертву своей любви к народу, истинного и близкого предшественника революционного и материалистического социализма наших дней.

В. Волгин.
